

ЖЮЛЬ ВЕРН

ДЕТИ
КАПИТАНА
ГРАНТА

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ С КОММЕНТАРИЯМИ

Жюль Габриэль Верн
Дети капитана Гранта.
Иллюстрированное
издание с комментариями
Серия «Капитан Немо», книга 1
Серия «Подарочные издания.
Иллюстрированная классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69957115

Дети капитана Гранта: 1;

ISBN 978-5-04-195000-2

Аннотация

Впервые в России коллекционное иллюстрированное издание культового романа Жюль Верна с комментариями. «Дети капитана Гранта» – вышедшие в 1868 году, переведенные на десятки языков и множество раз экранизированные – без преувеличения, самое знаменитое произведение Жюль Верна, ставшее образцом приключенческой литературы.

Девушка и мальчик в компании аристократа, его жены, чудаковатого профессора, старого морского волка и закаленного в боях майора отправляются в рискованную кругосветную экспедицию. Переплывают несколько океанов, преодолевают

горы, джунгли и пустыни в Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Спасаются от пожаров, наводнений, злобных каторжников и диких людоедов. Найдут ли они своего отца, капитана Гранта, потерпевшего кораблекрушение?

Издание позволит перенестись в мир, каким он был почти два столетия назад, и вместе с героями романа увидеть далекие моря и страны, их жителей и экзотических животных, природные чудеса и достижения цивилизации, узнать множество интересных историй и познакомиться с биографией автора. Помогут в этом более 300 классических рисунков и подробные комментарии известного писателя и исследователя Андрея Буровского.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

А. М. Буровский	7
Введение первое, или: Кто такой месье Жюль Верн	7
Люди, которым я благодарен	9
Проблема переводов	22
Писатель-путешественник	29
Сбывшееся и несбывшееся	36
Очень буржуазная биография	46
Жюль Верн в городских легендах	47
Начало	51
Еще раз о счастье и несчастье	67
Рождается Жюль Верн	70
Введение второе, или: Книжки месье Жюля Верна	79
Что же он писал	79
Жюль Верн в России	93
Поздний Жюль Верн	104
Посмертная жизнь Жюля Верна	124
Введение третье, или: Жизнь Жюля Верна после физической смерти Жюля Верна	137
Сын, внук и правнуки	137
Основатель направления в литературе	140
Влияние на науку	141

Вдохновитель инженеров и ученых	153
Учитель учителей	164
Почему он жив до сих пор: Жюль Верн, воспевший героев	168
Певец могущества человека	179
Почему это интересно, или: Никакой политкорректности	184
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Жюль Верн

Дети капитана Гранта

© Буровский А.М., предисловие, комментарии, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

А. М. Буровский

Земле нужны не новые континенты, а новые люди.

Жюль Верн

Введение первое, или: Кто такой месье Жюль Верн

Так уж создан человек: в нем всегда живет потребность создать что-нибудь прочное и долговечное, которое бы его пережило, и в этом до известной степени заключается господство человека над всем остальным.

Жюль Верн

Жюль Габриэль Верн (1828–1905) считается одним из основоположников жанра научной фантастики. Его до сих пор активно издают, читают, переводят.

По данным международной книжной статистики, к началу 1970-х годов по числу переводов на языки народов мира он занимал третье место, уступая лишь Ленину и Шекспиру.

В 1976 году Статистический ежегодник ЮНЕСКО зарегистрировал новый рекорд – Жюль Верн вышел на первое место – 156 переводов! В начале XXI века на первое место вы-

шла Агата Кристи, но Жюль Верн уверенно держит второе.

В России такой значительный издатель, как Петр Петрович Сойкин в 1906–1907 годах выпустил практически полное собрание сочинений Жюля Верна.

В 1917 году издательство Ивана Дмитриевича Сытина выпустило собрание сочинений Жюля Верна в шести томах, где публиковались даже малоизвестные романы «Проклятая тайна», «Властелин над миром», «Золотой метеор».

В СССР Жюль Верн оказался «буржуазным» писателем, но и в начале-середине 1920-х его издавали и читали. После переворота И. В. Сталина в 1929 году на нашу несчастную родину хотя бы частично возвращалась нормальная жизнь, а вместе с ней и статус Жюля Верна как одного из ведущих писателей мира. 9 сентября 1933 году ЦК КПСС выпустил постановление «Об издательстве детской литературы».

В 1936 издательство «ДЕТГИЗ» запустило серию «Библиотека романов и повестей». В 1937 название сменили на «Библиотеку приключений», с конца 1940-х название неоднократно менялось («Библиотека научной фантастики», «Библиотека научной фантастики и приключений»).

С 1953 утвердилось привычное название «Библиотека приключений и научной фантастики». Оно прожило до 1993, когда слово «научной» из названия выпало. И чего только с 1993 года не издавали...

До 1993 года в серии вышло 285 книг. Некоторые – несколькими изданиями. Первым стали из-

давать Жюль Верна. «Из пушки на Луну» издали в 1936 и 1937. «Таинственный остров» – в 1936, 1937, 1949, 1951, 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, 1986 и 1994 годах. «20 тысяч лье под водой» – в 1936, 1937, 1949, 1950, 1952, 1975, «Дети капитана Гранта» – в 1936, 1937, 1949, 1950, 1951, 1955, «Пятнадцатилетний капитан» – в 1937, 1950, «Пять недель на воздушном шаре» – в 1937, 1938, 1939.

В 1954–1957 годах вышло из печати 12-томное собрание наиболее известных произведений Жюль Верна¹. В 1985 году последовал 8-томник в серии «Библиотека «Огонек».

В Советском Союзе Жюль Верн был пятым по издаваемости зарубежным писателем. «Обогнали» его только Андерсен, Джек Лондон, братья Гримм и Шарль Перро. В 1918–1986 годах книги Жюль Верна издавались в СССР 514 раз на 23-х языках составив общий астрономический тираж 50 943 000 экземпляров.

Люди, которым я благодарен

В России два человека профессионально занимались творчеством Жюль Верна: Евгений Павлович Брандис и Андрей Дмитриевич Ба-лабуха. К сожалению, о каждом из них, как о многих специалистах, знает лишь ограниченный круг лиц – в результате об их жизни и работе сравнительно про-

¹ Жюль Верн Собрание сочинений в 12 тт. – М.: Госхудлитиздат, 1954–1957

сто наврять. К еще большему сожалению, о Е. П. Брандисе массовый читатель может составить представление не только по его многочисленным книгам, не только по статьям в интернете, но и по безграмотным творениям Михаила Веллера. В обычном для него развязно-ерническом тоне он позволяет себе «пересказывать» якобы сообщенное ему: «Покойный Евгений Павлович Брандис рассказывал: В сорок девятом его, кандидата-филолога-германиста, за пятый пункт турнули из Пущдома и напугали на всю оставшуюся жизнь. И остался он без работы. И никуда не брали. А семья, дочка, кормиться надо. Изредка разрешали где-нибудь платную лекцию или выступление. Да таллиннская «Вечерка» брала статьи к юбилеям русских писателей. Но какой-то детский клуб вела его добрая знакомая, и вот она приглашала его почаще рассказывать детишкам о всяких интересных книжках. А круг дозволенных интересных книжек был сужен до предела. Одним из незапрещенных оставался Жюль-Верн: нет, в плане борьбы с низкопоклонством перед Западом тоже не издавали, но поминать запрещено, вроде, не было. И через несколько лет такой жизни Брандис, подначитавшись и поднаторев в безопасном и безвредном Жюль-Верне, даже написал трехлистовую брошюрку, и даже ее маленьким тиражом издал как-то под каким-то скромным методическим грифом.

Евгений Павлович Брандис. Фотография представлена А. Д. Балабухой.

А тем временем умер Сталин, пошла большая чехарда в верхушке, и первый красный офицер Ворошилов оказался на курировании культуры. И директор Гослитиздата, соответственно, и явился к нему подписывать планы выпуска литературы на будущий год.

– Вот так, – рассказывал Брандис, – у нас вышел роскошный, по сути – академический, двенадцатитомник Жюль-Верна, какого никогда не издавалось во Франции, да и нигде в мире. А я сделался специалистом по Жюль-Верну и потом получил уведомление от международного Жюль-верновского общества, что меня приняли в его ряды – а в нем всего триста человек. Правда, – вздыхал он, – на его ежегодные заседания меня в Париж так ни разу и не пустили».

В этом тексте почти каждое слово – вранье, так что придется комментировать.

Первое: Брандиса никогда не «туряли» их Пушкинского дома по той простой причине, что он там никогда не работал. Ничего подобного рассказывать он не мог. Никому.

Второе: В 1949 году Брандиса вообще ниоткуда не «туряли». В этом году и много позже он вполне благополучно трудился в должности доцента Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской – сегодня это Институт культуры им Н. К. Крупской.

Третье: Брандиса «изгнали» из Публичной библиотеки, где он трудился библиографом. И не в 1949, а в 1952. В том же 1952 Евгений Павлович был изгнан и из До 1 сентября 1952 года. И не за происхождение, а за «антисоветские высказывания».

Четвертое: Всемирно признанным специалистом по творчеству Жюль Верна Евгений Павлович Брандис стал не потому, что после изгнания с официальных мест работы уцепился за «безопасного Жюль Верна». О Жюль Верне он читал лекции, как доцент Библиотечного института. Еще в 1940 году, когда разрабатывал и читал курс истории зарубежной литературы и спецкурс библиографии зарубежной литературы.

С 1930-х годов он переводил Жюль Верна – часто вместе со своей первой женой, Ниной Моисеевной Брандис, урожденной Цалик (1917–1988). Нина Моисеевна профессионально переводила и Жюль Верна, и Жоржа Сименона, и других французских писателей.

Пятое: вранье, будто Жюль Верна в сталинское время не печатали. Как раз печатали большими тиражами. В пугале либеральной «интеллигенции», 1937 году, вышли «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», «Пять недель на воздушном шаре», «Из пушки на Луну», «Таинственный остров», «20 тысяч лье под водой». Переиздавали и в другие 1930-е. «Детей капитана Гранта» экранизировали в 1936, песня из него стала народной, ее постоянно «кру-

тили» на радио. Неужели Веллер не смотрел этого детского фильма? Неужели не слышал классического «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...»?

Впрочем, в сталинское время экранизировали еще «Таинственный остров» в 1941 году и «Пятнадцатилетнего капитана» в 1945.

Шестое: «трехлистовые брошюрки» для библиотечных работников Брандис писал. Но вранье, будто он не писал и не публиковал ничего больше. Печататься Брандис начал с 1939. Ему принадлежит свыше 350 работ, которые выходили и в 2 «безработные» года – с 1952 по 1954. В эти годы Евгений Павлович Брандис тоже активно издавался: писал предисловия к изданиям зарубежных писателей и статьи об их творчестве. Общее число этих статей наверняка превышает цифру 30. В первый безработный год он нуждался, а потом сумма его доходов заметно превысила зарплату неизвестного библиографа.

Седьмое: Брандис сделался «жюльверноведом» совершенно независимо от издания 12-ти томного собрания сочинений Жюль Верна в 1954–1957 годах.

ЖЮЛЬ ВЕРН
ДЕТИ
КАПИТАНА
ГРАНТА

ЖЮЛЬ ВЕРН
80.000
КИЛОМЕТРОВ
ПОД ВОДОЙ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЖЮЛЬ ВЕРН
ИЗ ПУШКИ
НА ЛУНУ

ИЗДАНИЕ 1937 г.

ЖЮЛЬ ВЕРН
80.000
КИЛОМЕТРОВ
ПОД ВОДОЙ

Обложки книг Жюль Верна выпущенные в 1937, 1948, 1951 годах.

Восьмое: Собрания сочинений Жюль Верна во Франции выходили. В том числе в 1927 году. Ничего фантастического в издании 1954–1957 годов нет. Опять то ли сознательное вранье, то ли невежество. Девятое: Не знаю, какое из «международных Жюль-Верновских обществ» имеет в виду Михаил Веллер: Парижское или Амьенское. Брандис был членом обоих этих обществ, но на заседания ни одного из них никогда не пытался приехать.

Мне всегда казалось, что если берешься писать о человеке – изволь узнать хотя бы самые общие сведения. Например, откуда именно его увольняли, что именно и когда он писал. К сожалению, Веллер цинично надругался над обоими требованиями.

К тому же писателю не стоит представлять своего героя (в том числе Евгения Павловича) в роли несчастного и гонимого. Можно изрядно ошибиться. Выступал Брандис и в не особенно почтенном жанре доносчика. Донес, среди прочего, на автора известной «уличной» песни «Жемчуга стакан» (другие версии названия – «Стою себе на месте», «Стою себе на стреме»), Ахилла Григорьевича Левинтона (1913–1971). Он не только написал донос, но и выступал на суде свидетелем обвинения.

Было это в том самом 1949 году, когда якобы самого Бран-

дуса увольняли «за пятый пункт», то есть за еврейское происхождение. Ахилла Григорьевича посадили тоже вовсе не за принадлежность к еврейству, а за совершенно конкретные деяния – другой вопрос что считать их преступными могли только в совершенно обезумевшем государстве. Но Левинтон действительно получил 25 лет, а в 1954 был амнистирован. И жил с 1954 года литературным трудом... Его биография намного больше похожа на ту, которую Веллеру хватает «совести» приписывать Брандису.

Я же в моих изысканиях постоянно опирался на сочинения Евгения Павловича Брандиса – не выдуманного Веллером, а реального. Благо, по тематике Жюль Верна, опубликовал он немало книг, и действительно собрал очень большой материал. Вторым моим консультантом стал Андрей Дмитриевич Балабуха. После смерти Е. П. Брандиса это, наверное, самый серьезный специалист в России по Жюлю Верну. По крайней мере более информированного человека я не знаю. От Андрея Дмитриевича я узнал немало подробностей, которые позволили мне словно бы соединить пазлы различных, порой противоречащих друг другу знаний о Жюле Верне.

В числе прочего, от него я узнал о Жюле Верне как великолепном мастере слова, непревзойденном стилисте и поэте. И о том, почему мы до сих пор читаем Жюль Верна в основном в скверных переводах. На высказывания и оценки Балабухи мне придется ссылаться еще не раз.

Надо было уточнить названия рыб, животных и моллюсков. Мало того, что они изменялись, и приводятся устаревшие, так Жюль Верн использовал то научные, то народные, а то даже иносказательные названия. А то ссылался на книги, которые почти забыты в наше время. Эту работу выполнил аспирант Зоологического института РАН Александр Острошабов. Он сделал много ценных замечаний и уточнений.

Много замечаний о моллюсках подарили для этой книги сотрудники Зоологического института РАН, кандидаты биологических наук Игорь Владимирович Доронин и особенно Павел Владимирович Кияшко. Спасибо им!

Все технические описания Жюль Вена на сто рядов нуждаются во-первых, в проверке: он и ошибался, и совершенно сознательно «путал» многие описания. Особенно когда рассказывал о создании опасных взрывчатых веществ. Да к тому же многие технологические процессы изменились до неузнаваемости.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Е. П. БРАНДИС

ЖЮЛЬ ВЕРН

**И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА**

Обложка книги Е. П. Брандиса о Жюле Верне, вышедшая в 1955 году.

Все связанное с техническими характеристиками «Наутилуса» я попросил прокомментировать своего племянника, инженера по созданию подводных аппаратов, Александра Федорова.

Проблема переводов

С переводами Жюлю Верну очень повезло, потому что переводили его постоянно и много. Одновременно не повезло – переводили его очень плохо. Причем не только на русский... На английский его переводили с 1860-х годов – но считая чисто детским писателем. С его текстами и поступали соответственно: сокращали процентов на 20–40, выбрасывая и все научные описания, и уж тем более политическую критику. Если в произведении появлялся хоть один «отрицательный» англичанин, книгу в Британии вообще не переводили и не издавали, а позже начали выбрасывать вообще все, что касается Англии.

Другой вопрос, что Гленарвана и майора Мак-Набса Жюль Верн представлял, как шотландских патриотов и чуть ли не врагов Англии.

А в Британии их последовательно считали «своими»; враждебных Англии выпадов этих героев Жюль Вена просто

не замечали. Выбросили место, где оказывается: миссионеры так научили географии маленького австралийца Толине, что он искренне считает принадлежащим Англии весь Земной шар, и убежден – Луна тоже скоро будет принадлежать Англии.

«Детские романчики» публиковали, выбрасывая, переписывая, переставляя местами целые главы, переименовывая героев. Возникла путаница; мотивы и характеры героев становились совершенно непонятными, их поступки – ничем не оправданными. Вместо увлекательного рассказа о морях, приключениях и достижениях науки оставались одни приключения.

Сам Жюль Верн много раз возмущался и протестовал...но что толку? Корректно переводить его на английский язык так и не начали до середины 1960-х годов. Даже сегодня намного чаще публикуются более ранние, скверные переводы – ведь они давно находятся в общественном достоянии, платить никому не надо – бери и пользуйся.

Переводам на русский язык повезло больше – их все-таки меньше калечили из идейных соображений. Но все же калечили порой и «идейно», а главное потому, что торопились. В Российской империи почти все романы Жюль Верна перевели и издали сразу вслед за французскими изданиями, буквально на протяжении 3–4 месяцев после выхода романа на французском.

Конечно же, мгновенно переводимые романы многое те-

ряли из-за спешки, а еще больше из «экономии». Издатели давали текст романа сразу нескольким почти бесплатным «переводчикам»: студентам и чуть ли не гимназистам. Обходился текст на русском очень дешево, но одного и того же героя могли в одной главе звать Антифор, а в другой – уже Анцифер, название города изменялось с Ливона на Лион, а об уровне художественного перевода просто не хочется упоминать, чтобы не плакать.

Тут надо заметить, что вообще искусство перевода требует вникать в содержание, становиться чуть ли не соавтором, сохраняя скромную личину переводчика. Даже в качественном переводе возникают иногда просто фантастические неточности. Переводя «Остров сокровищ», Николай Чуковский перепутал два английских слова... И квартирмейстер, второй человек на пиратском корабле, страшный рубака Джон Сильвер, превратился у него в скромного корабельного кока. Стало не особенно понятно – а чего это капитан Флинт боялся собственного кока? С каких щей и прочих обедов кок сделался такой значительной фигурой?

Андрей Дмитриевич Балабуха рассказывает о Жюле Верне.

Уточню еще – квартирмейстер у пиратов был не чем-то вроде суперкарга, заведующим материальными ценностями. Вроде бы, это следует из названия... Но квартирмейстер был вторым человеком после капитана, главой всех вооруженных людей на борту. Он возглавлял абордажи, нападения на города, пешие вылазки... Такого и капитан бандитского корабля испугается.

Андрей Дмитриевич Балабуха в своем кормящем и вмеща-

ющем ландшафте – у себя дома. Рядом – мой племянник Саша Федоров.

Это пример того, как неточный перевод сделал непонятным часть содержания повести, запутал читателя. А ведь переводы с английского обычно получались качественнее, чем с французского. И язык сложнее, и требует больше перевода не столько смыслового, сколько художественного. Всегда и со всех языков есть огромная разница между смысловым и художественным переводом. Для технической и специальной литературы смыслового перевода вполне достаточно. А вот художественное произведение приходится переводить совсем иначе! Французы писали более красочно, более изысканно. Переводы не всегда отражали красоту и стиль произведения. Ведь переводчик художественного текста должен не только знать язык, он и сам должен обладать литературным дарованием. Ему даже сложнее, чем автору: тот пишет и пишет, как он дышит... А переводчик должен максимально точно воспроизвести текст автора на другом языке.

Советские переводы лучше дореволюционных, но ненамного: переводчики все равно торопились. И не обладали литературным даром, сравнимым с авторским.

После «перестройки» Жюль Верн по меньшей мере 40 раз переиздавали мелкие частные издательства: «возрождая Россию», они воспроизводили дореволюционные издания в дореволюционных же переводах: с современной орфографи-

ей, но с неадаптированной стилистикой.

Есть приятные исключения – серия «Неизвестный Жюль Верн», которую в 29 томах выпускало издательство «Ладомир» с 1994 по 2010 год. Тут переводы получше.

Тем не менее и в России Жюлю Верну с переводами не повезло. Он знаменит, его читают и переиздают – но в переводах, качество которых остается удручающе низким.

В результате представление о Жюле Верне получается у нас довольно-таки однобоким. Что знают в России о Жюле Верне? Что он – основатель научной фантастики. Что он предсказал многие научные открытия. Что он – один из самых знаменитых писателей за всю историю человечества. Что он мастер увлекательных сюжетов и умел придумывать замечательные приключения. В то же время «все знают», что он скверный стилист. Вплоть до сказанного мне одним неглупым профессором: «Ну до чего классный фантаст и до чего скверный писатель!». И до уверенности, высказанной другим неглупым человеком: если бы не научные предвидения и не рассказы о последних достижениях науки – так сказать, если бы не просвещение почтеннейшей публики – никогда бы Жюль Верн не состоялся.

... Но это мнение очень глубоко не справедливо. В самой Франции Жюль Верна считают великолепным мастером слова. Одним из самых ярких имен в истории французской литературы. Творчество Жюль Верна помогло таким мэтрам, как Антуан де Сент-Экзюпери, Рене Баржавель, Жан Кокто,

Жан-Поль Сартр, найти «свой» стиль, и очень многому научиться.

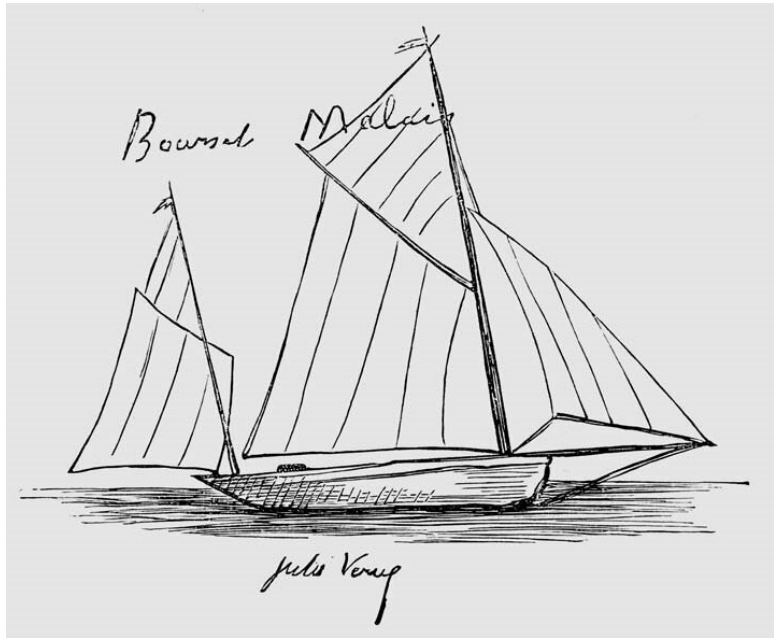
Не говоря ни о чем другом, Жюль Верн – автор более чем 40 стихотворений, которые клались на музыку и пелись. Литературные и театральные кабачки еще при его жизни частенько оглашались шуточными куплетами, написанными Жюлем Верном¹. В том числе в начале 1850-х он пишет песню «Марсовые»².

Эта песня стала чем-то вроде неофициального гимна французских моряков. Долгое время считалось, что слова ее – народные, автор неизвестен. Лишь в 1883 году журналист докопался, что автор песни – «тот самый» всемирно известный Жюль Верн. Сам автор скромно молчал все эти годы.

Писатель-путешественник

Еще при жизни о Жюле Верне ходили легенды, как о знаменитом путешественнике. Якобы и капитан Немо, и капитан Гаттерас – автобиографические фигуры. Сам он не раз отрицал подобные выдумки, но публика хотела видеть в знаменитом писателе романтического героя – и видела. Позже маятник качнулся в другую сторону – Жюля Верна объявили «кабинетным писателем», который видел море только с набережной, а в других странах отродясь не бывал. Это тоже не совсем правда, хотя плавать начал он поздно: первое морское путешествие писателя состоялось в 1858 году, Жю-

лю Верну было тогда 30 лет. Брат его друга Аристиды Гиньяра предлагал проплыть из Бордо в Шотландию. Результатом этой поездки стала книга «Путешествие в Англию и Шотландию задом наперед»³. Второе морское путешествие те же самые друзья предприняли в 1861 году — плыли до Стокгольма. Торопясь на родину, чтобы успеть к рождению своего единственного родного сына Мишеля, Жюль Верн оставил Гиньяра в Дании и поспешил в Париж... но не успел — сын уже родился. Это путешествие тоже породило книгу «Лотерейный билет № 9672»⁴. 16 марта 1867 года Жюль Верн с братом Полем отправляется в плавание через Атлантику. Огромный пароход «Грейт Ис-терн» идет из Ливерпуля в Нью-Йорк. Вернулись братья только 9 апреля — к началу Всемирной выставки в Париже. Впечатления от поездки отразились в книге «Плавающий город». Как только появились деньги, в августе 1865 года Жюль Верн поселился у моря, в рыбацьем поселке Ле-Кротуа — в 60 км от Амьена, на северном берегу Соммской бухты. Там он работал — писал «Иллюстрированную историю. Франции и ее колоний» (вышла в 1868), а параллельно с работой присматривал себе подходящее судно. В 1868 он приобрел старый рыбацкий бот «Сен-Мишель». Из трюма для рыбы сделали каюту — «плавающий кабинет» длиной в 3 и шириной 1,7 м. В «кабинете» оборудовали две койки, полки для книг и картотеки⁵.

Собственноручная зарисовка «Сен-Мишеля I», выполненная Жюлем Верном около 1873 года. Из фондов Музея Жюль Верна в Нанте.

На борту этого «плавающего кабинета», а потом его преемников Жюль Верн провел значительную часть своей жизни. Больше всего в своем крошечном кабинете он писал, но еще на «Сен-Мишеле I» совершались вполне реальные плавания. Не успев перестроить судно, он плывет в Бордо, огибая полуостров Конантен в Нормандии.

Команда 9-ми метрового суденышка состояла из самого Жюля Верна и двух отставных моряков военного флота: бретонцев Александра Делона и Альфреда Було. Писатель стоял на вахте наравне со всеми, потом гордо рассказывал: на пути в Бордо его ждали и шквальный ветер и «все, что испытывают настоящие моряки».

Позже на «Сен-Мишеле I» Жюль Верн ходил до Дувра, Лондона и Остенде, пересекая Ла-Манш. В мае 1870 года он совершил переход до Гавра, и по Сене поднялся до Парижа. 10 дней «Сен-Мишель» стоял у Моста Искусств; толпы сбегались посмотреть на суденышко знаменитого к тому времени писателя.

Но на борт Жюль Верн пускал не всех! Вот своего издателя Этцеля он вовсе заманивал поплавать с ним вместе... Этцель под разными предлогами отказывался – курорты Южного Берега нравились ему больше, чем качка в туманном прохладном океане. Плавал на «Мишелях» только сын Этцеля, Жюль.

Публика разглядела, среди прочего, и небольшую сигнальную пушку на борту кораблика. В июне 1870 началась Франко-прусская война. После нее рассказывали, даже писали в газетах и журналах: Жюля Верна вместе с судном мобилизовали в морскую оборону, он лихо действовал против пруссаков. Это совершеннейшая неправда, но что характерно, Жюль Верн никогда не отрицал этой легенды. А славы ему она прибавила.

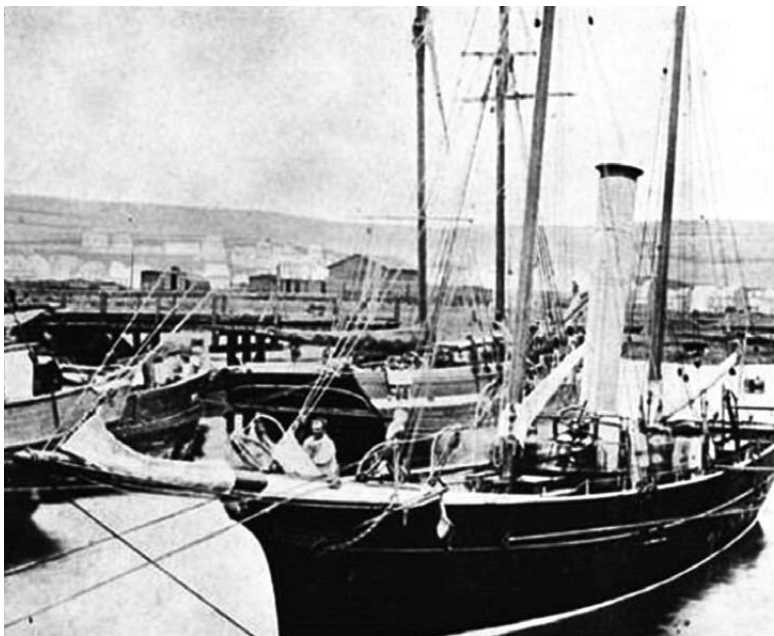
В 1874 году Жюль Верн стал членом яхт-клуба, в 1876 приобрел яхту побольше⁶. В конце мая 1876 года он плывал на «Сен-Мишеле II» из Гавра в Англию и восторженно писал, что каюта его была отделана кипарисом и лакированным красным деревом.

Впрочем, владельцем «Сен-Мишеля II» Верн оставался всего 18 месяцев. В 1877 году, получая большие гонорары, Жюль Верн смог купить крупную металлическую парусно-паровую яхту «Сен-Мишель III»⁷. На 28-метровом судне с опытной командой в 10 человек, кабинет сделали уже побольше: 4 на 2.5 метра. Правда, без красного дерева.

В 1878 году Жюль Верн вместе со своим братом Полем плывал по Средиземному морю, заходя в Тунис, Марокко, Грецию и Италию.

В 1879 году с 18 июня по 15 октября Жюль Верн на яхте «Сен-Мишель III» пять раз выходил в море. Он вновь побывал в Англии и Шотландии, плывал вдоль побережья Франции. Приключения? 26 августа 1879 года в Сен-Назере во время сильной бури на яхту налетело трехмачтовое торговое судно. «Сен-Мишель III» сорвало с якоря, сломало бушприт и повредило форштевень.

В 1881 году плывали в Голландию, Германию и Данию. Верн хотел дойти до Санкт-Петербурга, но из-за сильных штормов «застрял» в Дании, потом в Германии. До России он так и не доплыл, – помешали морские приключения.

«Сен-Мишель III» на фоне Везувия в 1884 году. Картина неизвестного художника из Музея Жюль Верна в Нанте.

В 1884 году Жюль Верн плывал с Жюлем Этцелем, сыном своего издателя, со всей семьей: братьями Пьером и Морисом, женой Онориной и сыном Мишелем. Обогнув Испанию и Португалию, после сильных штормов плыли в Алжир и Тунис, пошли до Мальты, пережив новый шторм. В бухте Бон на Мальте 36-ти летний писатель решил поиграть в Робинзона: искупавшись, устроил «пляску дикарей» вокруг вооб-

ражаемого костра. Сын, Мишель Верн, отсалютовал отцу с борта выстрелом. Писатель думал, что в бухте никого нет – но местные жители тайком наблюдали за пришельцами, – не раз на Мальту нападали алжирские пираты... Последний раз нападали не так давно. Притаившиеся аборигены тоже открыли огонь – счастье, что промахнулись.

После этого приключения на «Сен-Мишеле III» пошли в Сицилию и в Неаполь, потом в Сиракузы.

Сен-Мишель III в 1880 году. Фотография неизвестного.

В 1886 году Жюль Верн продал яхту за полцены, и больше никогда не выходил в море. На это, как мы увидим ниже, у него были серьезные причины.

Конечно, это не плавания через весь Тихий океан – но как видно, свою любовь к морю писатель реализовал. Кабинетным теоретиком он не был, и когда писал о морских плаваниях – отлично знал, о чем пишет. Не только из книг или рассказов – из собственной практики.

Сбывшееся и несбывшееся

Если изучать жизнь писателя по его произведениям, Жюль Верна можно счесть довольно трагической личностью. Во многих его книгах мелькает тема неразделенной, трагической любви, несчастных влюбленных, брака против воли. Самые известные из них – «Мастер Захариус» (1954), «Плавающий город» (1871), «Матиас Шандор» (1885).

Разочарования и любовные несчастья в жизни писателя были. В начале 1847 году родные отправили его из Нанта в Париж – пусть изучает юриспруденцию подальше от своей двоюродной сестры Каролины.

Влюбленность 19-ти летнего Жюля родственники считали своего рода умственным повреждением, ни на какое понимание он рассчитывать не мог. Пока юный Жюль грыз гранит науки в Париже, Каролину в апреле 1847 поскорее вы-

дали замуж за 40-летнего и весьма обеспеченного предпринимателя Эмиля Дезюне. С ним она прожила больше 40 лет.

Вернувшись в Нант, Жюль немедленно снова влюбляется – теперь в Розу Эрмини Арно Гроссетьер. Он посвятил ей около 30 стихотворений, включая «Дочь воздуха», которое стало широко известно и много раз публиковалось...

Опять никто не хотел выдавать девицу замуж за студента. Роза Гроссетьер стала женой богатого землевладельца Армана Терьена Делайе. Этот брак, кстати, не был счастливым.

Сам же Жюль Верн почти на полгода запил. Француз, он пьянствовал красным вином, а не водкой, но вряд ли тут есть принципиальная разница.

Жюль Верн в 1856 году – в году знакомства с Онориной

Видимо, чувство к Розе было достаточно сильным – до 1856 года в жизни Жюля Верна возникали только кратковременные романы. Вот в мае 1856 происходит история весьма романтическая. На свадьбе своего друг Жюль Верн обратил на себя внимание сестры невесты – Онорины де Виан-Морель. Молодая, 26-летняя вдова с двумя детьми, красивая и умная женщина. Французская поговорка гласит: «В любви всегда один целует, другой только подставляет щеку». Судя по всему, в этом романе и последовавшем браке, Жюль Верн только подставлял щеку.

Не самая лучезарная мужская судьба? Наверное. Но вряд ли произошедшее хоть в чем-то исключение из правила. Подобные разочарования прошли не менее 80 % мужчин... И не только во Франции XIX столетия.

О том, какой получился брак, есть много мнений, но в любом случае, он не напоминал райские кущи. Часто полагают, что и особой духовной близости между супругами не было. Онорина хотела блистать в свете, хотела нарядов и развлечений. Для нее знаменитый писатель был лишь средством жить так, чтобы завидовали соседи. Сам Жюль Верн к материальным благам был глубоко равнодушен, развлечения и светская жизнь волновали его еще меньше.

Но возможно, степень супружеского разлада сильно преувеличивают советские исследователи: и как дети совсем

другой эпохи, в которой женщины стали намного образованнее и культурнее. И как дети России, в которой полагалось преувеличивать степень отрешенности ученого и писателя от «жизни». Противопоставляя «интеллигенцию» и «мещанство», духовный поиск и стремление жить «как все», они доводили конфликт до крайности, невольно приписывали его детям иных эпох, иных культур.

Возможно, брачный союз Жюль Верна и не напоминал райское блаженство, но ведь писатель принадлежал к весьма буржуазным кругам. Он был скромен в быту, неприхотлив и не стремился «блистать в свете», но и никогда не противопоставлял себя остальному «буржуазному» обществу. По крайней мере к предпринимательству, получению прибыли и к деньгам он вполне определенно не испытывал ни малейшего отвращения. Ему не нужны были пышные кареты и дорогая мебель – но яхта «Сен-Мишель III» стоила целое состояние. Как и дом, купленный писателем в Амьене.

И был Жюль Верн сыном эпохи, когда менее образованные женщины мало разделяли интеллектуальные увлечения мужей и других мужских членов семьи. Их уделом было ведение хозяйства, рождение детей и та самая светская жизнь. Различные интересы Вернов были чем-то совершенно обычным; вряд ли эта семья сильно отличалась от других.

К тому же была в жизни Жюль Верна дама... Которую, по мнению многих, он любил много лет. В семейной переписке ее называли, не произнося имени, «дамой из Аньера». Она

жила в городе Аньере⁸ – жена нотариуса Шарля Дюшена, Эстель Энен.

Эта дама отличалась интересом к наукам и искусствам, начитанностью, широтой кругозора, художественным вкусом.

Мне не удалось выяснить точных дат ее жизни, но была одна или одного возраста с Жюлем Верном, или чуть старше. С Эстель Жюль Верн познакомился в 1859 году, приезжал к ней в Аньер в 1863–1865 годах. Считается что Эстель Энен полностью разделяла литературные и научные интересы любовника. Бывая в Париже, Жюль Верн бывал в ее салоне: у Эстель Дюшен собирались музыканты и драматурги, театральные и литературные деятели... В том числе люди, с которыми Жюль Верн сотрудничал в свой парижский период жизни. Полагают, что с этой женщиной он мог делиться своими замыслами, рассказывать о своих новых книгах, и порой получать дельные литературные советы.

Жюль Верн во дворе своего не маленького дома в Амьене. Писатель выгуливает собаку Фолетт. У дверей стоит его жена Онорина. Фотография 1894 года.

Давно сделано предположение, что дочь Эстель Энен, Мари – дитя не ее законного мужа, нотариуса Шарля Дюшена, а Жюля Верна. Правду ли говорили об отцовстве Жюля Верна, достоверно не известно.

Эстель умерла по одним данным, в 1865 году, вскоре после рождения дочери. По другим данным, в 1885 году. Даже и в этом втором случае, за 20 лет до смерти Жюля Верна.

Возможно, эта женщина и правда была большой любовью писателя. Возможно, ее ранняя смерть бросила на его последние годы мрачную тень.

Но и тут не будем драматизировать. Франция есть Франция! Одна из традиций этой страны – брак, почти что превращенный в коммерческую сделку, а в качестве компенсации – культ любовников и любовниц. Когда умер известный политик, президент Франции в течении 14 лет, Франсуа Миттеран (1916–1996), никто не удивился появлению на похоронах «второй мадам Миттеран» – об этой женщине все давно знали. Удивило появление «третьей мадам Миттеран»! О ней-то никому известно не было.

Оказалось, что «третья мадам Миттеран» – мама чиновника, которому Франсуа Миттеран очень покровительствовал. Что характерно – французы судачили, чей он сын, этот

чиновник от «третьей мадам», но независимо от фактического отцовства Президента его поведение скорее вызывало у них уважение. Во боец! А что помогал то ли сыну, то ли пасынку – молодец. Это тоже вызывало уважение.

Дети своей страны, Эстель Дюшен и Жюль Верн действовали в русле традиции. В конце концов, у Эстель был муж; сам Жюль Верн тоже давно, прочно женат. Если их любовь была сильной, она могла стать мучительной и горькой. Но она осталась «дистанционной»; в этом отношении с Жюлем Верном тоже не произошло ничего исключительного.

Жак Этьен Виктор Араго в 1839. Рисунок взят из книги «Записки слепого путешественника по миру».

Мне жаль, если он мог жить с Этель и быть счастливее, чем был. Но это оценка россиянина, который годится Жюлю Верну в пра-правнуки. Возможно, сам писатель думал совершенно иначе.

Очень буржуазная биография

Во многих книгах Жюль Верна описываются несбывшиеся судьбы, разрушенные обстоятельствами жизни. Но его-то собственная судьба сложилась вполне благоприятно. Другой вопрос, что человек добрый и душевно тонкий, Жюль Верн не раз наблюдал действительно очень мрачные жизненные сюжеты.

Его друг, Жак Араго⁹ полностью ослеп в 1837 году, хотя и после этого продолжал путешествовать.

В 1854 году от холеры умер друг писателя, директор театра Жюль Севест. Жюль Верн несколько лет после этого продолжал заниматься постановками в театре, писать музыкальные комедии, многие из которых так никогда и не были поставлены.

Родной дядя Жюль Верна, Пруден Аллот, мечтал о море... В молодости совершил кругосветное плавание, а потом сделался деятелем муниципалитета, и уже никогда не пла-

вал по морям. Чудаковатый с точки зрения обывателей дядюшка, у которого не состоялась романтическая биография, стал прообразом дядюшки Антифера (1894). Похожие образы появляются в «Робуре-Завоевателе» (1886) и в «Завещании чудака» (1900).

Жюль Верн очень хорошо видел, как коварна может быть жизнь, как капризен успех, изменчиво счастье. Он сочувствовал обойденным задравной чашей на пиру жизни. И при этом будет глубоко неверно судить о самом Жюле Верне по его произведениям. Он прожил весьма благополучную жизнь обеспеченного, уважаемого человека. Несчастья имели место быть – и несчастные любви, и несостоявшаяся судьба моряка. Приключений он хотел, но они не выходили за пределы влюбленностей, семейных проблем, встреч с великими людьми, комфортабельных поездок на пароходах, поездах и в каретах. Максимум – путешествия на тоже вполне комфортабельных яхтах. Великолепная самореализация. Обеспечен и всемирно знаменит.

Жюль Верн в городских легендах

О знаменитых людях всегда ходят легенды. Часть из них сочиняют откровенно из зависти – как легенду о «кабинетном писателе», или другую: что Жюль Верн – только «прикрытие», коллективный псевдоним группы литераторов, географов и путешественников. Может, месье Жюль Верн и

существует, но ему приписывается работа всего коллектива. Ведь один человек не может ни писать столько книг, ни обладать такими разносторонними знаниями, ни придумать столько разнообразных сюжетов и подать столько идей. Рассказывали и о том, что под именем Жюль Верна публикуется наследие некоего английского капитана дальнего плавания. Моряк плавал на боевом корабле «Сен-Мишель», и умер в конце 1850-х. Хитрый издатель Этсель стал издавать его романы под псевдонимом «Жюль Верн». Всерьез спорили, писал ли сам Жюль Верн хоть что-то, или он – только драматург и поэт, который изображает из себя широко образованного писателя.

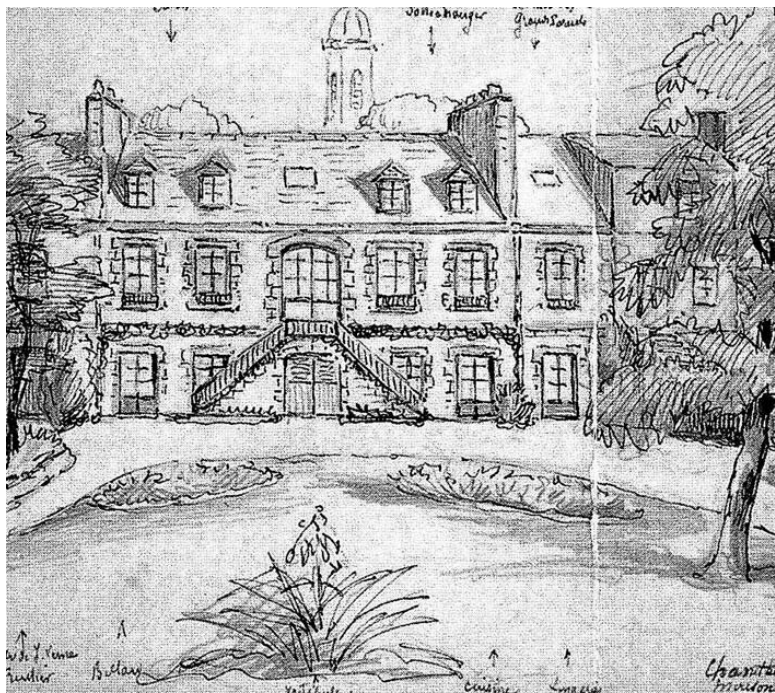
Самая нелепая из легенд получила наибольшее распространение, о ней писали газеты и при жизни Жюль Верна и потом. К писателю даже являлись некие городские сумасшедшие, требовавшие его «признаться»: вовсе он никакой не француз! Он еврей, уроженец города Плоцка, близ Варшавы, его настоящее имя Юлий Ольшевич. Он пытался жениться на графине Крыжановской, но невеста отказалась выходить замуж за еврея. Ольшевский шпионил в пользу Франции, за это ему предложили должность на дипломатической работе. Ольшевич бежал в Рим, где принял католичество, и вступил во французское гражданство с фамилией Верне. Оля по-старофранцузски «вернь».

«Верн» – преобразованное на французский лад польское родовое имя «Ольшевич».

Рассказывали еще, что якобы Ольшевич-Верн трудился литературным рабом Александра Дюма-Отца, написал «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо».

В общем, от Жюль Верна требовали признаться и в том, что он – беглый польский еврей Ольшевич, и в том что он – знаменитый Дюма. Положеньице...

Сам Жюль Верн любил розыгрыши и мистификации. Порой в поездках называл себя то Прудан Аллот, то Гильоше де ла Пейрер. В этих попытках принять другое имя никак не фигурировала «дама из Аньера» или другие дамы: писатель частью просто развлекался, частью скрывался от докучливых почитателей. Он с юмором относился к попыткам придумать ему экзотическое происхождение. Не известно, знал ли он – в Риме живет человек, называющий себя Жюльен де Берн. Этот выходец из Польши (еврей или поляк – не известно) то ли сам распространял слух, что он и есть автор «необыкновенных путешествий», то ли всего лишь этого «не отрицал».

Дом Вернов в Нанте

Вероятнее всего, если Жюль Верн и знал о существовании Жюльена де Берна – то относился тоже с юмором. В конце концов договоры с ним подписывались, и кто он такой все знали. Мало ли, кто что болтает.

Подробные биографии начали выходить после смерти писателя. Нантский архивариус Дюрвилль в 1924 году опубликовал результаты своих обширных разысканий в архивах

Нанта. И все равно в легенду верили. Парижские газеты продолжали выяснять, кто же «на самом деле» был автором «Необыкновенных путешествий». Предлагалось даже голосование: пусть читатели выскажутся, кто тут знаменитый писатель: скончавшийся в Амьене французский дворянин Жюль Верн, или беглый поляк из Рима, Жюльен де Берн?!

Биографию дяди в 1928 году написала племянница писателя Маргари Аллот де ла Фюи. Не помогло. Временами история про гениального еврейца таки спод-Варшавы всплывает.

Начало

Несмотря на все бредни и сплетни, происхождение Жюля Верна прекрасно известно и хорошо документировано. Происхождение это таково, что ему тоже могли бы позавидовать многие.

Жюль Верн родился 8 февраля 1828 года на острове Федо – при впадении в Атлантический океан реки Луары, близ портового города Нанта¹⁰. Родился в доме своей бабушки Софи Аллот де ла Фюи, на улице Клиссон.

По матери, Софи-Нанине-Анриетте Аллот де ла Фюи (1801–1887) писатель происходил из династии нантских кораблестроителей и судовладельцев. Первый из его французских предков, шотландский дворянин Никола Аллотт начал служить французскому королю Людовику XI – стал лучни-

ком в его шотландской гвардии. Алотт в 1462 году получил дворянство и «право Фюи», то есть право владеть голубятней, а с ней и собственной голубиной почтой. Он принял имя Аллот де ла Фюи и построил замок с голубятней недалеко от местечка Лудэн или Луден¹¹ в Анжу.

Мама Жюль София Алотта. Картина Франциска Целле де Шатобура

Трудно сказать, в какой степени Никола Аллот стал прототипом Квентина Дорварда – главного героя романа Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», опубликованного в 1823 году. Во всяком случае, такая версия существует, в семье де ла Фюи в это верили. Жюль Верн, навсегда сохранил sentimentальные чувства к Шотландии – и как к родине предков, и как к союзнице Франции в ее вековых войнах с Англией¹².

Впрочем, ко времени рождения писателя Аллоты, его предки по линии матери уже два века были кораблестроителями и судовладельцами из города Нанта. Его дедушка трудился в должности директора счетной конторы, – говоря современным языком, был главным бухгалтером.

По линии отца Пьера Верна (1798–1871) писатель вел происхождение из старинной семьи купцов города Провена¹³. Впрочем, Пьер Верн был уже вторым не купцом, а юристом в семье. После Жюля родились брат Поль (1829) и три сестры – Анна (1836), Матильда (1839) и Мари (1842).

У Пьера Верна не было сомнений – его первенец тоже станет юристом! В 1834 году 6-летнего Жюля Верна определили в пансион в Нанте. Об этом пансионе у Жюля почти не сохранилось воспоминаний, кроме одного: его преподавательница мадам Самбин часто рассказывала ученикам, как ее муж,

морской капитан, потерпел кораблекрушение 30 лет назад. Собственно, капитан пропал без вести... Но его жена или вдова не желала верить в гибель мужа. Она полагала, что он до сих пор живет на необитаемом острове – примерно как Робинзон Крузо.

От дома бабушки и от дачи, снятой отцом в деревушке Шантенне, остались почти такие же романтические воспоминания – о кораблях, проходивших по реке, и хорошо видных их окон. Слово Жюлю Верну: «родился я в Нанте, там прошло мое детство. Сын наполовину парижанина и матери-бретонки, я жил посреди толкотни большого торгового города, начального и конечного пункта многочисленных дальних странствий. Я будто снова вижу эту Луару, многочисленные рукава которой соединены перевязью мостов, вижу ее забитые грузами набережные, затененные густой листвой огромных вязов; двойная колея железной дороги и трамвайные линии еще не избороздили ее. Корабли приютились у стенки в два-три ряда. Другие поднимаются вверх по реке или спускаются вниз. В то время не было пароходов; точнее – их было слишком мало, но зато каковы были парусники, парусники, ходовые достоинства которых сохранили и даже улучшили американцы в своих клиперах и трехмачтовых шхунах! У нас тогда были только грузные парусники торгового флота. Сколько воспоминаний они у меня вызывают! В воображении я карабкался по вантам, забирался на марсы, цеплялся за клотики! Как жаждал я пройтись по ка-

чающимся сходням, соединявшим эти корабли с берегом, и ступить ногой на палубу!».

Отец Жюля, Пьер Верн. Картина Франциска Целле де Шатобура

Софи Верн часто гуляла с сыном по набережной де ля Фосс, усаженной магнолиями. К Нантскому порту приписано больше 2500 кораблей, на набережной разгружались океанские парусники, пришедшие из Вест-Индии или из Африки. С кораблей постоянно несли мешки с дурманно пахнущим кофе и какао, ящики с табаком и сахаром, бочонки рома. На набережной толклись бородатые, пестро одетые матросы с серьгами в ушах. Они продавали ананасы и кокосовые орехи, а то и живых обезьянок или попугаев. Конечно, адски тяжелый труд моряков был тут не особенно заметен. Что каждый четвертый корабль рано или поздно тонул со всем экипажем, тоже нигде ведь не написано. А вот экзотики – хоть отбавляй.

В общем, море актуально присутствовало в жизни семьи. Бретонцы вообще прирожденные моряки и рыбаки.

Море для них – это почти как продолжение полей и лугов. Поедание рыбы и морепродуктов в приморской стране так же естественно, как хлеба и мяса. А тут еще принадлежность к семье мореходов.

Жюль с братом Полем. Середина 1830-х, автор картины не известен.

Жюлю 8 лет, в 1836 году по желанию религиозного отца он пошел в семинарию «Школа Святого Станислава». Там давали классическое образование: латынь, греческий, географию, пение. От этого учебного заведения осталась память только как о месте унылом и неприятном.

В возрасте 11 лет юный Жюль сбежал из пансиона, поступил юнгой на шедший в Индию трехмачтовый корабль «Корали». Он хотел плавать в дальние страны и хотел раздобыть коралловые бусы для своей кузины Каролины. Ранним утром мальчик тайком выбрался из спящего дома, и побежал к харчевне некого Кабидулена, с «чудесным» названием: «Человек, приносящий три несчастья». Несколько часов он просил взять его юнгой на корабль. В конце концов шкипер трехмачтовой шхуны «Корали», капитан Кур-Грандмезон, молча указал трубкой на свой корабль, стоявший невдалеке от берега. По современным представлениям, совершенно невероятная история. Но в те времена в море часто уходили мальчики лет 11–13. Часть погибала, большинство становились матросами. Иногда кто-то делал карьеру, становясь шкиперами и капитанами. Как будто, Кур-Грандмезону нужен был мальчик для посылок... а этот вроде попался крепкий, и к тому же знает морской жаргон.

Корабль отчалил в полдень, к вечеру остановился у при-

чала Памбеф, уже на атлантическом побережье. Утром, с отливом, судно вышло бы в открытое море.

Пропавшего Жюля начали искать днем, когда он не пришел к двенадцатичасовому завтраку. Искали весь день, только к шести часам сосед показал – мальчика видели в харчевне, где толкуются моряки, потом в компании двух юнг шхуны «Корали» отплывающим в шлюпке на корабль. Легко было выяснить и что корабль капитана Кур-Грандмезона снялся с якоря в полдень, начав долгий путь в Индию.

Отец перехватил мальчишку буквально чудом – он ведь знал, что корабли выходят в океан от Памбефа. Он нанял новинку Нантского порта – паровой катер, и успел до выхода «Корали» в море. Никто никогда не узнал, о чем беседовали отец и сын, возвращаясь в почтовом дилижансе домой.

По одной семейной легенде Вернов, Пьер Верн вел с сыном долгие разговоры, объясняя, как тот плохо поступил. Он взял с сына обещание: впредь путешествовать только в своем воображении. По другой версии, обещание: «Я никогда больше не отправлюсь путешествовать иначе, как в мечтах», Жюль Верн дал матери.

Как хорошо, что тот не сдержал обещания! И что не исправился в главном! Уже взрослым Жюль Верн говорил более чем определенно: «Я, должно быть, родился моряком и теперь каждый день сожалею, что морская карьера не выпала на мою долю с детства».

Плавать он еще будет... А пока приходится учиться в

«Малой семинарии Святого Донатия» (с 1842 года), в Королевском лицее с 1844. Частая смена семинарий наводит на понятную мысль – что нигде то Жюль не удерживался. В незаконченном романе «Священник в 1839» будущий писатель сводит счеты со своими горе-воспитателями: кормят не досыта, учиться скучно, ставят на колени за провинности... Но и сам воспитанник ведь не сахар: он просто не желает учиться тому, чему учат.

В 1846 окончен королевский Лицей в Нанте. 29 июля 1846 года Жюлю Верну выдают диплом бакалавра наук с отметкой «Довольно хорошо». Эдакая тройка с плюсом или четверка с минусом.

Что дальше? Жюль Верн пытается писать длинные романы в стиле своего литературного кумира – Виктора Гюго. Пишет пьесы на исторические темы – «Александр VI» и «Пороховой заговор». Но это же разве достойное занятие?! Сам Пьер Верн любил читать, писал стихи, но считал это занятием несерьезным. Литература – это отдых... Развлечение...

Сам Жюль Верн утверждал: «моя семья очень почитала изящную литературу и искусства, откуда я делаю вывод, что в моих инстинктах большую роль играет наследственность».

Но не делать же профессией то, что годится разве что в роли хобби образованного специалиста. Сын должен стать юристом, унаследовать дело отца.

Отправить юношу в Париж хотели не только, чтобы он получил образование получше. Но и чтобы подальше от

моря...подальше от кухни Каролины... Вроде бы, Жюль «честно» учится: вяло, но старательно изучает юриспруденцию. Но главное – изо всех сил старается войти в литературную богему Парижа. В этом ему помогают и друзья еще с Нанта, – Эдуард Бонами (они вместе снимают квартиру в Париже), и Жан Луи Аристид (1822–1898) – начинающий композитор. Для комических опер Гиньяра Жюль Верн пишет песни-шансон, в литературном салоне подружился с Александром Дюма-сыном.

Вместе со своим новым другом-литератором Верн закончил свою пьесу «Сломанные соломинки». Благодаря связям и влиянию Александра Дюма-отца 12 июня 1850 года пьесу поставили в Историческом театре. Революции в драматическом искусстве она не произвела.

Отмечу – безобразия, которые марксисты имели «совесть» называть «Революцией 1848 года», очень мало отразились на биографии Жюля Верна. В своих письмах двадцатилетний Жюль описывал не «гнев народа» и не «подъем народных масс», а именно что отвратительные беспорядки.

Он очень радовался, что его не мобилизовали в Национальную гвардию и не призвали в армию: «Должно быть ты знаешь, дорогой отец, что я думаю о военной жизни и этих прислужниках в ливрее... Нужно отречься от всякого достоинства, чтобы выполнять такую работу».

Что называется, коротко и ясно. Вообще романтические свершения для Жюля Верна всегда состояли в путешествии-

ях и приключения научных открытиях и инженерных решениях, и никогда – в революционных безобразиях. Войны он ненавидел, считая полной дикостью, недостойной цивилизованного человека.

Еще в 1848 году Жюль писал о том, что у него болит живот – он до конца своих дней страдал от колита. Сам он считал болезнь унаследованной по материнской линии.

После «Сломанных соломинок» Дюма-сын знакомит Жюля Верна с директором театра Жюлем Севестом. Верн получил там должность секретаря. Оплата очень низкая, но Верн надеялся поставить ряд комедийных опер, написанных вместе с Гиньяром и либреттистом Мишелем Карре. Чтобы отпраздновать свою работу в театре, Верн организовал обеденный клуб «Одиннадцать холостяков», чтобы собирать там таких же как он – начинающих литераторов. Только такое общество ему и нравилось.

Отец стонал болотной выпью, регулярно умоляя сына оставить ненадежный литературный промысел, открыть юридическую практику. В январе 1851 года Жюль Верн окончил обучение и получил разрешение вести адвокатскую деятельность. Спустя год, в январе 1852 года Пьер Верн поставил сыну ультиматум, – он передает Жюлю свою практику в Нанте. Пусть, наконец, остепенится!

Жюль Верн написал предельно ясно: «Разве я не в праве следовать собственным инстинктам? Это все оттого, что я знаю себя, я понял, кем хочу стать однажды».

Отец и прав, и не прав. Сын тоже и прав, и не прав. В конце концов, отец хочет для Жюля стабильности, постоян-

ного дохода, уверенности в завтрашнем дне. Конечно, сын имеет все основания идти собственным путем... Но давайте честно – молодой, 24-х летний Жюль Верн – не более чем малоизвестный, не имеющий особых перспектив драматург музыкальных комедий, которые не всегда попадают на сцену. Он вовсе не знаменитость и не открыватель новых путей. Так, богемный мальчик из околотеатральных кругов.

Останься он таковым, получалось бы – отец, может быть все же был прав.

Еще раз о счастье и несчастье

Очень романтичный человек, Жюль Верн до конца своих дней сожалел, что не стал моряком. Но давайте представим, что стал! Допустим, отец не успел бы поймать его, когда Жюль сбежал в Индию в возрасте 11 лет. Представим, что Жюль Верн стал бы матросом, к 30 годам – штурманом или капитаном. Такие случаи бывали, вполне мог появиться и «капитан Верн».

Конец морской карьеры был бы таков же, как и «деловой» – даже хуже. Молодой моряк все больше писал бы песни, стихи и рассказы, отвлекаясь от вахт, прокладки курсов и несения морской службы. До 28 лет Верн был перекачки-полюс, неудачливым юристом, мучительно пробивавшим себе дорогу в литературу. Ну, стал бы моряком, который так же упорно стремится к литературной работе. При хорошем

«раскладе» – тот же самый жизненный итог: годам к 30 судьба профессионального писателя. При неудаче – к 40 годам – не слишком счастливый штурман или капитан, пописывающий в свободное от службы время.

Причем у Верна-морьяка было бы меньше шансов пробиться, чем у Верна – начинающего юриста: моряк мало бывает на суше, тем более не имеет времени тусоваться в парижских салонах и заводить там знакомства.

Возможно, для душевного равновесия и самоощущения Жюль Верна ему было бы полезно провести несколько лет в качестве морьяка. Но тогда вскоре на место сетований на жестокого отца пришли бы сетования на трудности другого рода – писать он хотел куда сильнее, чем плавать. Причем плавать он все-таки плавал... Только всегда «почему-то» предпочитал литературный труд путешествиям.

Даже когда вполне мог себе это позволить, не уплыл дальше Средиземного моря. С 1878 года – плыви хоть в Новую Зеландию! «Сен-Мишель III» для того вполне годился. Но писать оказалось важнее.

Писать в каюте интереснее, чем в городском кабинете – но и не более того. Что это? Карьера моряка? Профессия? Нет, хобби, если не сказать – причуда, развлечение хорошо обеспеченного барина.

В общем, карьера моряка для Жюль Верна была возможна – но неизбежно окончилась бы. Не был бы он моряком до конца жизни.

А если бы прожил жизнь «капитана Верна» – обречен был бы страдать по несбывшемуся.

Рождается Жюль Верн

Все изменилось, когда Жюль Верн встретился со своим земляком Пьером-Мишелем-Франсуа Шевалье, более известным как Питр-Шевалье.

Родом из Нанта, Питр-Шавалье, главный редактор журнала «Семейный музей» подыскивал автора, способного писать о научных достижениях и технологических новинках одновременно увлекательно и достоверно. Верн с его живым интересом к наукам, особенно географии, к техническим чу-

десам разного рода, идеально подходил для такой работы.

Уже в июле 1851 года в журнале вышел слабенький рассказ «Первые корабли Мексиканского флота», откровенно написанный под влиянием приключенческих романов Фенимора Купера. В августе – рассказ «Драма в воздухе». Появлялись в журнале и его научно-популярные статьи.

Правда, в 1856 году Жюль Верн поссорился с Питр-Шевалье и перестал сотрудничать с «Семейным музеем» вплоть до 1863 года, когда Питр-Шевалье умер, а в журнале не появился новый главный редактор.

Пьер Жюль Этцель примерно в пору встречи с Жюлем Верном.

Но и работая в «Семейном музее», Жюль Верн оставался литератором-любителем, чьи друзья-театралы время от времени ставят его пьесы, и чьи рассказы время от времени публикуют журналы.

Не случайно же, женившись, Жюль Верн начинает работать на бирже полный рабочий день. Чтобы обеспечить семью, он занял у отца крупную сумму и по протекции шурина вступил пайщиком в контору финансиста и брокера парижской биржи Фернана Эггли. Но и трудясь на бирже, он встает как можно раньше, чтобы до прихода на биржу хотя бы ненадолго заняться любимым литературным трудом.

В свободное время Жюль Верн продолжал ходить в библиотеку, составляя свою картотеку из разных областей знаний, встречался с членами клуба «Одиннадцать холостяков», которые к этому времени уже все переженились. Но основной доход дает труд на бирже.

К счастью, у него уже появляется имя автора, который умеет писать увлекательно и в то же время образовывать читателя. Научно-популярный жанр востребован не меньше научно-фантастического! А Жюль Верн работает в обоих.

В 1862 году Жюль Верн знакомится с известным издателем Пьером Жюлем Этцелем, публиковавшим Бальзака, Жорж Санд, Гюго.

Верн показал ему свою новую рукопись – на этот раз романа. Этцель был очень доволен: ему понравился стиль Верна, умение гармонично соединять художественное повествование с рассказом о науке и технике. 31 января 1863 года вышел роман «Пять недель на воздушном шаре».

В 1964 появляется «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» – сначала главами в номерах журнала. Родился тот Жюль Верн, которого знаем мы все.

Собираясь создать особый «Журнал воспитания и развлечения», Этцель подписал с Верном договор, по которому писатель обязался предоставлять ежегодно три рукописи за фиксированную плату. Появилось то, на чем так настаивал Поль Верн: перспектива стабильного заработка. То, о чем мог только мечтать Жюль Верн: зарабатывать на жизнь любимым делом.

В 1866 году Этцель заявил, что планирует издать серию произведений Верна под названием «Необыкновенные путешествия», в которых писатель должен «обозначить все географические, геологические, физические и астрономические познания, накопленные современной наукой, и пересказать их в занимательной и живописной форме». Верн соглашался, но уточнял: «Да! Но Земля столь велика, а жизнь так коротка! Чтобы оставить после себя законченный труд, нужно жить не менее 100 лет!».

В СССР чаще всего изображали дело так, что хитрый буржуй Этцель эксплуатировал несчастного писателя. И что это гениальный Жюль Верн обеспечил процветание Этцелю. Представление о таком раскладе опиралось на слухи, пришедшие из времен Жюля Верна: что Жюль Верн будто бы обошел со своим первым романом четырнадцать издателей, поочередно отвергавших рукопись. Наконец ему не повезло найти пятнадцатого издателя – Этцеля. Тот, естественно, немедленно заключил с ним кабальный контракт на двадцать лет вперед.

Скорее все наоборот: это Этцель создал того Жюля Верна, которого знает весь мир. И не обидел деньгами. Договор не был ни кабальным, ни заключенным раз навсегда, условия договора не раз пересматривались. По первой версии договора Жюль Верн должен был за год написать три книги, каж-

дая примерно в 10 печатных листов объемом. Это не такой уж невероятный труд. Труд, конечно, но на самого себя. Труд – самореализация. Сам Верн в интервью не раз говорил, что самое большое удовольствие приносит ему литературная работа. И что самое мучительное для него – праздность.

За каждую книгу Жюль Верн он получал 1925 франков. Жорж Санд и Бальзак получали за рукопись по 2000 франков, и при том не имели никакой гарантии сбыта. Более высокие гонорары получал только Александр Дюма-отец, создавший индустрию выпуска книг.

Трудясь секретарем в театре Жюль Верн получал 100 франков в месяц. Работая на бирже – от 100 до 150 франков. Теперь он имеет 5775 франков в год, 480 франков в месяц гарантированного дохода.

С конца 1865 года гонорар был повышен до трех тысяч франков за книгу, а после 1871 года – до шести тысяч, с обязательством передать издателю уже не по три, а по две книги в год. 12 000 франков в год, по 1000 в месяц.

В 1870-е годы крупный чиновник получал от силы 400–600 франков. Рабочий – от 70–80 до 150 франков. В 1872 году ежегодный средний доход сельской семьи составлял 800 франков.

К тому же если по романам ставились пьесы в театрах, или романы переиздавались, Жюль Верн получал дополнительную плату.

Первое время Этцель очень сильно влиял на работы Вер-

на, а тот почти всегда соглашался с его редактурой. Многие изменилось после того, как Этцель отказался выпускать роман «Париж в XX веке». В этом грустном романе бедный юноша не может найти места в жизни и в Париже 1960-х годов. Его девушка умирает, несчастный парень приходит к ней на могилу и падает без сил на снег. Наверное, Жюль Верн хотел показать, что главное в человеческой жизни не изменяется из-за технических чудес. Жизнь может быть горька и в мире фонографа и телефона! Но читатели то ждали именно научно-технического оптимизма, а не любовной и бытовой драмы.

Роман не вышел. Сам Жюль Верн никогда больше не пытался его опубликовать. Долгое время его считали то ли потерянным, то ли вообще семейной легендой Вернов. Он вышел в свет лишь в 1994 году благодаря правнуку писателя, Жану Верну, который нашел рукопись романа.

Введение второе, или: Книги месье Жюль Верна

Так уж создан человек: в нем всегда живет потребность создать что-нибудь прочное и долговечное, которое бы его пережило, и в этом до известной степени заключается господство человека над всем остальным.

Жюль Верн

Что же он писал

Итог жизни писателя и без «Парижа в XX веке» громаден: 33 пьесы, 66 романов, 20 повестей и рассказов, 16 документальных очерков и статей, фундаментальные научно-популярные труды – «Иллюстрированная география Франции и ее колоний» (1864), «История великих путешествий и великих путешественников» или «Открытие Земли» в 4 томах (1880).

Один цикл «Необыкновенные путешествия» включает такие шедевры, как «Путешествие к центру Земли» (1864), «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», «С Земли на Луну» (1865), «Дети капитана Гранта» (1867), «Вокруг Луны» (1869), «Двадцать тысяч лье под водой» (1870), «Вокруг света за 80 дней» (1872), «Таинственный ост-

ров» (1874), «Михаил Строгов» (1876), Пятнадцатилетний капитан» (1878), «Робур-Завоеватель» (1886).

«Необыкновенные путешествия» в коллекции Этцеля занимают шестьдесят пять томов большого формата, украшенных двумя с половиной тысячей гравированных иллюстраций в исполнении лучших французских мастеров. Одновременно выходили дешевые компактные издания той же серии: девяносто восемь книг – всего около тысячи печатных листов или двадцати тысяч книжных страниц.

Жюль Верн – фантаст и провидец? В «Робуре-Завоевателе» главный герой изобрел вертолет и объявил будущее за летательными аппаратами тяжелее воздуха. В его продолжении, «Властелине мира», он уже создал аппарат, способный летать по воздуху как самолет, плавать на воде и под водой и двигаться по земле как автомобиль. Тогда это казалось невероятным, в наше время технологически возможно.

Во «Флаге родины» происходят бои между подводными лодками, корабли топятя оружием, напоминающим баллистическую ракету. Жюль Верн предсказал создание акваланга, полеты в космос («С Земли на Луну» и «Гектор Сервадак»), видеосвязь и телевидение («Париж. XX век»), строительство Транссибирской и Трансмонгольской магистралей, широкое использование алюминия и возможность пройти Северный морской путь за одну навигацию.

Провидец? Не всегда. Даже чисто географические заключения автора далеко не всегда оказывались верны. На Юж-

ном полюсе нет океана («Двадцать тысяч лье под водой»). На Северном полюсе нет суши («Путешествие и приключения капитана Гаттераса»).

Под Суэцким перешейком нет подземно-подводного пролива, а Мальмстрем вовсе не так ужасен, как его описывал автор («Двадцать тысяч лье под водой»).

Ядро нашей планеты не холодное («Путешествие к центру Земли»), а пустоты с «альтернативной жизнью» не найдены.

JULES VERNE
 100 VOLUMES ILLUSTRÉS
 1889

J. VERNE
 1828-1905
 100 VOLUMES ILLUSTRÉS
 1889

Voyages Extraordinaires

Œuvres Complètes

JULES VERNE

Volumes grand in-8 illustrés

1 Le Château de France	12 Le Tour du monde en 80 jours	20 Deux Ans de captivité
2 Fathos le Compagnon	13 Les Deux Indes	21 Dix ans sous terre
3 Un Millénaire de Laténa	14 Le Tour du monde en 80 jours	22 La Jungla
4 L'Écluse de Sud	15 Le Tour du monde en 80 jours	23 Michel Strogoff
5 L'Archipel au feu	16 Voyage au centre de la Terre	24 Le Capitaine de quinze ans
6 L'Écluse de l'Inde	17 Cinq Semaines en ballon	25 Les Enfants du Capitaine Corcoran
7 Le Royaume	18 Aventures de Jean Postum et de son Anquet	26 Les Fils des Éléphants
8 Les Millions de la Région	19 Une Ville suspendue	27 Robinson Crusoé
9 Pétroléennes d'Amérique		28 Le Nautilus à vapeur
10 Les Indes-Négres		29 Histoire de la Capitaine
11 Le Châliou		30

Paris, G. P. 1889

1889

Плакат, заказанный Пьером Этцелем в 1889 году для рекламы серии необыкновенные путешествия Жюль Верна.

Многие описания жизни Африки вызывают улыбку, а у политкорректных ... (опускаю эпитет) способны вызвать приступ ярости – хотя бы место, где во время сражения двух племен африканец отрубает руку у врага и тут же начинает ее поедать («Пять недель на воздушном шаре»).

Еще наивнее многие технические предсказания и описания Жюль Верна. Еще в 1970-е американцы попытались экранизировать его «Робура-Завоевателя», изображая летательные аппараты такими, какими их описывал Жюль Верн. Зрелище медленно плывущих в воздухе металлических платформ, приводимых в движение такими же нетопливными пропеллерами по краям – как колесами парохода, – по меньшей мере забавны. Сколько не говори, что это – предшественник вертолета, все же получается исключительно нелепо, противоречит элементарным законам физики...

Дилогия «Из пушки на Луну», состоящая из книг «С земли на Луну» и «Вокруг Луны»², может показаться еще более наивной. Сюжет прост: некий гениальный американец, Импи Барбикен, строит исполинскую пушку «Колумбиаду». Располагается она в шахте глубиной 900 футов (274 метра) с чугунными стенками диаметром 60 футов (18.3 метра) Заряд пироксилина весом в 18 тонн выбрасывает в Космос полный алюминиевый цилиндр, несущий трех путешественников. Математические расчеты для романа выполнил фран-

² Жюль Верн Собрание сочинений в 12-ти тт. – М.: Худлит, 1954–1957.

цузский математик Анри Гарсэ.

Это позже справедливо говорили и писали, что полый снаряд не выдержал бы энергии выстрела и был бы уничтожен. Что «пассажиры» никогда бы не пережили нагрузки от ускорения, от звука выстрела они бы навсегда оглохли, а удара о воду при приземлении наверняка не пережили бы. Что автор не учел сопротивление воздуха при преодолении земной атмосферы; что снаряд никогда бы не преодолел атмосферы.

Но современникам произведение казалось вполне правдоподобным!

В романе очень много самых разнообразных нелепостей. Например, у Жюль Верна нет ни малейшего упоминания об уборной внутри снаряда, нет ни слова о том, как и куда испражнялись и мочились прекрасно кушавшие герои и их собаки.

Само путешествие предпринимается в уверенности, что на Луне есть атмосфера, там живут разумные селениты. Главное, – добраться до Луны, на ней селениты накормят, напоят и отправят на Землю героев.

Анатоль Франс уже в 1885 году ядовито заметил в «Книге моего друга»: «Простодушные мальчики, поверив на слово Жюлю Верну, воображают, что на Луну действительно можно попасть в пушечном ядре...».

«Разоблачение» всех этих нелепостей обстоятельно совершает Яков Исидорович Перельман в своей «Заниматель-

ной физике»³.

Но одновременно и «Из пушки на Луну» объявляют «романом-предвидением»:

– в романе приведена совершенно верная оценка 2-й космической скорости в 12 000 ярдов в секунду;

– в романе физически корректно описывается состояние невесомости;

– старт героев романа происходит во Флориде, всего в 150 км от мыса Канаверал.

Тут же – предположения писателя об огромных материальных затратах, необходимых для освоения космоса. На запуск снаряда на Луну потребовалось 5 446 675 долларов! Интересно, что сказал бы Жюль Верн, узнав о стоимости программы «Аполлон»: 25 миллиардов долларов?

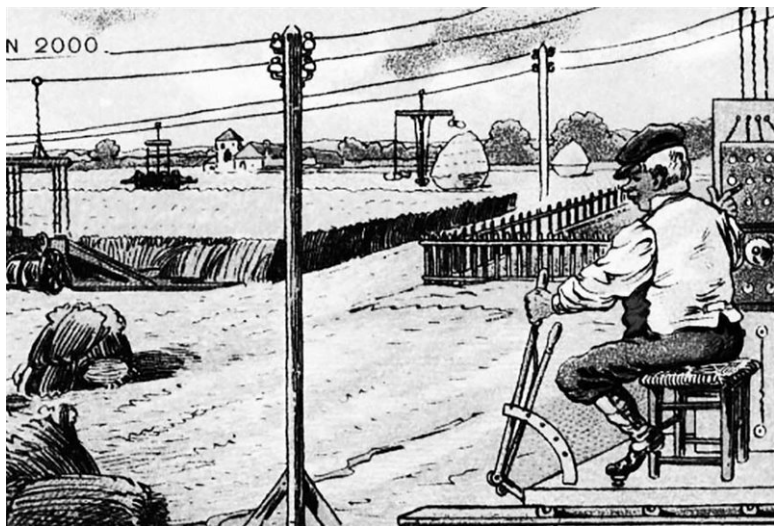
В наше время машины совсем другие, но сама по себе уборка урожая ведь и правда механизирована.

Но сами колоссальные расходы то он предвидел! Жюль Верн был намного большим реалистом, чем Уэллс в 1901 году, у которого мистер Кейвор строит космический аппарат в своем частном доме⁴, и даже чем Алексей Толстой уже в 1923 году: у него инженер Мстислав Лось создает «яйцеобразный аппарат» высотой 8 метров и 6 метров в поперечнике, с обшивкой из листов клепанной стали, с теплоизоляци-

³ Перельман Я.И. *Занимательная физика*. – Пг.: Изд-во П. П. Сойкина, 1916. (по 1981 год на русском языке состоялось 21 переиздание).

⁴ Жюль Верн *Из пушки на Луну*. – М.: Эксмо, 2009

ей из вой лока и резины... Лось строит космический аппарат на Ждановской набережной, в доме 11 – «во дворе, заваленном ржавым железом и бочонками от цемента». Где «чахлая трава росла на гудах мусора, между спутанными клубками проволоки, поломанными частями станков». В сарае, где «сквозь нагромождения лесов поблескивала металлическая, с частой клепкой, поверхность сферического тела. В раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря»⁵.

Ко Всемирной выставке в Париже в 1900 году выпустили

⁵ А. Н. Толстой «Аэлита»

цветные почтовые карточки «Мир будущего», изображавшие мир через 100 лет, в 2000 году. На этой карточке – уборка урожая машинами.

Так кто же он, Жюль Верн?! Провидец или профанатор?!

... Конечно, ни то, ни другое. И помимо космических полетов, Жюль Верн описывал будущее со счетными машинами, вертолетами, автомобилями, цветными телевизорами. Автомобили у него снабжены керосиновыми двигателями.

Но описание каждого конкретного изобретения заставит приподняться не одну бровь. Конкретика чаще всего беспомощна, идея великолепна. Одни предсказания нелепы, другие попадают в «десятку».

«Гениальное предвидение»? Нет... Использование данных современных Жюль Верну науки. Уж какая наука – такие и предположения!

Разумные обитатели Луны? Полости в недрах Земли? О них говорили вполне серьезно. Старшего современника Жюль Верна, Александра Гумбольдта, как – то спросили на некоем парадном обеде: «Что находится в центре Земли?»

– Не далее, как несколько дней назад, – ответил, улыбаясь, великий естествоиспытатель, – ко мне явился какой-то таинственный капитан, настоящий тип морского волка. С необычайными предосторожностями он сообщил мне, что у Северного полюса, где он недавно побывал, существует огромная пропасть, окруженная красной короной сверкающего север-

ного сияния. Храбрый моряк не побоялся спуститься в эту зияющую воронку, ведущую прямехонько к центру Земли, и был награжден за свою смелость феерическим зрелищем. Внутри наш земной шар совершенно пуст, как детская погремушка, и в этом огромном пространстве кружатся друг возле друга две маленькие звезды – Плутон и Прозерпина. И в их смутном, неверном свете на внутренней стороне Земли до сих пор бродят динозавры и птеродактили первобытного мира...

– И это правда? – спросила ученого пораженная соседка.

– Было бы очень красиво, если бы это было правдой, – сказал, улыбаясь, Гумбольдт.

Александр фон Гумбольдт скончался в 1859 году. «Путешествие к центру Земли» вышло в 1864.

Если об инженерных идеях – Жюль Верн последовательно описывает то, что вскоре может появиться... Исходя из существующей в его времена реальности. Наука 1870-х годов была такова, что слишком многое в творениях писателя не выдержало испытания временем.

Тем не менее Жюль Верн и в начале XXI столетия – один из самых популярных писателей в мире. Почему же?

Одни говорят, что от его «ошибок» и неточностей произведения Жюля Верна становятся еще интереснее. Писатель то ли создал альтернативный мир, то ли показал будущее, каким оно представлялось сто пятьдесят лет назад. В конце концов, существует же такое направление в фантастике как

стимпанк или паропанк (от английских слов steam – «пар» и punk – «панк»). Возникший первоначально в 1980-х годах как литературное течение в противовес киберпанку, стимпанк показывает, каким мог бы стать мир, если бы энергия угля и пара XIX века оставалась бы основой цивилизации.

Независимо от мудреных словечек, «предсказатель» он или «мечтатель», но Жюль Верн лишь показывал, как видела мир наука XIX столетия. Показывал как реальность то, что хотели создать инженеры и техники. И что в принципе могло бы быть и создано.

Другие все же напирают на сбывшиеся или почти сбывшиеся предсказания и предвидения. Они тоже правы. Сам Жюль Верн говорил: «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, все это всегда будет ниже действительных возможностей человека. Настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

Ну вот – достижения современной науки и техники сто-крат превзошли все, о чем мечтал человек XIX столетия. Пусть используя не пар и уголь, а производные крекинга нефти и атомную энергию.

Кроме того, есть же и другая сторона художественного произведения – не научно-техническая, а чисто литературная. У Жюля Верна нет «средних» персонажей. Они или очень хорошие люди, или очень плохие. Полутона почти отсутствуют. Главный герой – всегда «хороший»; исключение – разве что Робур из «Робура-Завоевателя». Даже анархист

Кау-Джер в конце концов «исправляется», а злодей Том Рок нравственно перерождается.

Читатель просто обречен симпатизировать и сопереживать главным героям – образцам всех добродетелей, благородным и смелым. Так же точно он просто вынужден переживать антипатию ко всем отрицательным героям, – негодяям, разбойникам, глубоко аморальным и подлым.

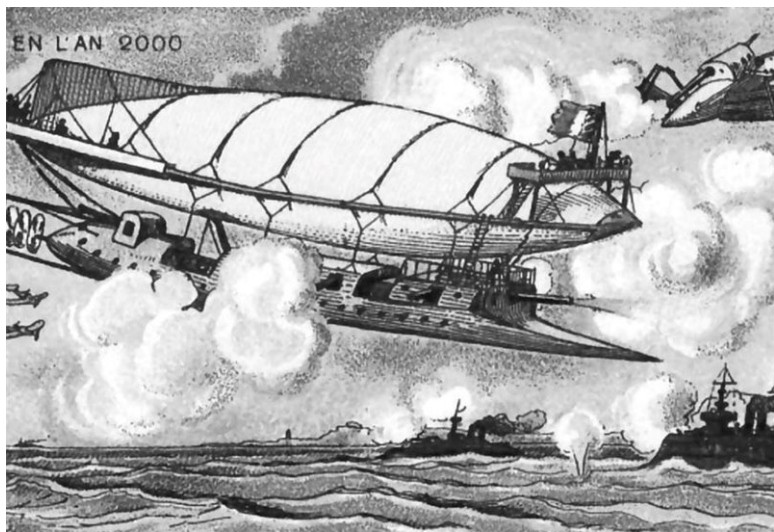
Карточка из серии «Мир будущего»: воздушный бой. Для 2000 года картинка безнадежно устарела, но выпустили ее за 15 лет до того, как Лондон бомбили немецкие цеппелины.

Отсутствие полутонов? Да, но ведь люди и ищут в лите-

ратуре борьбу добра со злом. Особенно молодые читатели.

Молодежь нуждается в примерах для подражания. И они есть! Техника техникой, но как привлекательны благородные, героические капитан Гаттерас, капитан Грант, капитан Немо, Матиас Шандор.

В представлении массового человека ученый – всегда пожилой чудак. Таковы профессор Лиденброк, доктор Клубонни, кузен Бенедикт, географ Жак Паганель, астроном Пальмирен Розет. Все они чудаковаты, мало приспособлены к жизни и нуждаются в опеке более сильных людей. Но не только! Они отважны, героически преданы науке, умны, совершают огромные усилия в познании истины.

Карточка из серии «Мир будущего»: летающие пожарные. Летать то пожарные летают, а топят в 2000 году, стало быть, дровами и углем. И по улице идет явно паровая машина.

Все герои – «слишком» положительные, но все они имели прототипов. У Паганеля есть немало черт слепого путешественника Жака Араго. Мишель Ардан, летящий в снаряде с Земли на Луну, напоминает друга писателя, фотографа и воздухоплователя Гаспара Феликса Турнашона Надара (1820–1910), лично знакомых ему физика Жака Бабинэ (1794–1872), изобретателя Гюстава Понтон д’Амекура (1825–1888), получившего патенты на изобретение вертолета.

Хороший конец, пресловутый «хэппи энд»? Но люди ведь хотят, чтобы добро побеждало зло, чтобы хорошие люди получали воздаяние за свое благородство и были счастливы.

Во многом был прав не Жюль Верн, а именно издатель Этцель, настаивавшем, чтобы писатель переделал роман «Париж в XX веке». Во всех вышедших при жизни романах Жюль Верна главные герои счастливы и довольны. Они получают образование и хорошую работу, женятся и выходят замуж по любви, вознаграждены за «правильные» поступки.

Исключение – «Замок в Карпатах» (роман начал писаться около 1889, но правки вносились вплоть до 1892), в котором Карпаты тоже изображены достаточно условно. Дух же ро-

мана таков, что некоторые считают его источником вдохновения пресловутого Брэма Стокера, создателя «Дракулы».

Обитатель карпатского замка, старый враг главного героя, графа Франца де Телека, злобный барон Рудольф фон Гортц и его помощник, непризнанный гений Орфаник, создал изображение умершей жены де Телека, оперной певицы Стиллы. По мнению многих специалистов, в этой книге Жюль Верн предсказал появление голограмм. В романе поющее изображение Стиллы неподвижно, но в экранизациях романа (румунские фильмы 1957 и 1981, французский телефильм 1976 года) оно становится движущимся... С тех пор иногда даже сам текст публикуют с искажениями, а Жюль Верна объявляют предсказателем кинематографа или даже технологии 3D-кино.

В реальности Жюль Верн опирался на «фантаскоп» Робертсона, предшественник диаскопа, и на фонограф Эдисона... Но главное – несчастный Франц фон Телек падает замертво... В итоге роман оставляет довольно тяжелое впечатление.

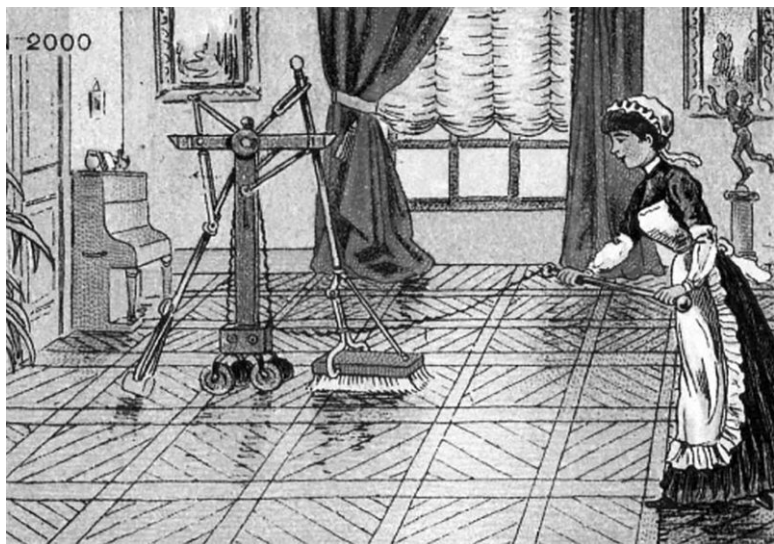
А ведь хочется совсем другого! Почти все произведения Жюль Верна если не веселы – то по крайней мере оптимистичны. ...что и требовалось. Жизнеутверждающе.

Жюль Верн в России

Жюлю Верну не довелось побывать в России. Он не раз

пытался попасть в нашу страну, но все время что-то мешало: то шторма, то нехватка времени. Сам он в России всегда почитаем и любим, из чего только два исключения.

Одно из них, как ни странно, «Путешествия к центру Земли». Люди, почему-то считавшие себя вправе решать за Создателя, как он должен был творить мир, возмутились: Жюль Верн пропагандирует материализм «в духе Базаровых, Лопуховых и компании». Ведь в этом романе описывались живущие в полостях Земли ящеры, подобные древним, и даже (о ужас! – А.Б.) люди-великаны, продукты эдакой параллельной эволюции. «Это противу Священного писания».

Карточка из серии «Мир будущего»: механическая горничная. Кстати, у Жюль Верна нет ни слова о механизации домашнего труда. Создатели же картинки считали, что в 2000 году будут горничные, и в таких же длинных форменных платьях, как в 1900.

Писала это 16 марта 1866 года газета «Голос» – тогда она фактически правительственным официозом: сохраняла теснейшие связи с правительственными деятелями и получала 12 тыс. рублей в год из сумм Министерства народного просвещения.

Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева от 2 апреля 1866 года требовал изъять «Путешествие к центру Земли» из гимназических библиотек. Разумеется, если и изъяли – ненадолго. А читать все равно книгу читали.

Другое исключение: долго не переводили «Михаила Строгова», действие которого происходит в России. Но об этом – отдельно и ниже.

Действие нескольких романов Жюль Верна полностью или частично разворачивается на территории России: «Упрямец Керабан» (1883), «Михаил Строгов» (1876), «Робур-Завоеватель» (1886), «Цезарь Каска-бель» (1890), «Клодиус Бомбарнак» (1892), «История Жана-Мари Кабидулена» (1901), «Драма в Лифляндии» (1904).

Жюль Верн считал Россию европейской страной, он относился к ней так же, как к любой другой интересной «за-

границе». Но ее специфика писателя мало занимала... как и всех «заграниц».

Делегат России Борис Карков во «Вверх дном» приезжает на собрание «Барбикен и К°». Это какой-то условный русский. С тем же успехом там мог быть... ну, допустим, немец, поляк или швед. При том, что для выстрела из пушки в сторону Луны приходится обратиться ко всем странам и «Россия внесла огромную сумму – 368 733 рубля. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание интерес русского общества к науке и успешное развитие, достигнутое астрономией в этой стране благодаря многочисленным обсерваториям, главная из которых обошлась государству в два миллиона рублей».

Главная обсерватория – видимо, Пулковская. Представитель России условен. А сама Россия выглядит в высшей степени привлекательно.

Русские оказываются в числе главных героев в «Гекторе Сервадаке» (1877), и это тоже очень условные русские.

Герои «Приключений трех русских и трех англичан в Южной Африке» (1872) в еще большей степени условные англичане и русские. В романе английская и русская экспедиции сначала идут вместе, потом ссорятся – до них доходят сведения о начале военных действий в 1854 году (имеется в виду начало Крымской или Восточной войны 1854–1856 годов). Кроме описания природы Южной Африки и невероятных приключений в романе звучит пафос сближения раз-

ных народов. Убежденный враг войн, Жюль Верн показывает, как реалии путешествия сближают людей. Когда разбойничье племя макололо нападает на русских и осаждает их на горе, англичане приходят на помощь. Русские и англичане вместе возвращаются на австрийском судне. В конце концов английский ученый Вильям Эмери заверяет русского коллегу Михаила Цорна в своей неизменной дружбе. Очень в духе основных идей Жюль Верна: достойные люди дружат независимо от своих обезумевших правительств. Красиво. Увлекательно. Благородно. И очень далеко в стороне от любых политических или культурных реалий эпохи. С «Михилом Строгиным» получилось еще интереснее... Откровенно «экзотический» роман, в котором курьер Строгов скачет в Иркутск, предупредить губернатора Иркутска (почему-то родного брата царя) о восстании татарского хана Феофара. Хан вроде татарский, но под татарами имеются в виду жители Средней Азии – видимо, Сибирь и Средняя Азия путаются в сознании Жюль Верна. Кстати, случай для него необычный – географом он был великолепным. Некоторые исследователи полагают, что под Феофар-ханом Жюль Верн имел в виду казахского Кенесары-хана. Если и так, – странно, что перепутал.

Михаил Строгов, преодолев тысячи препятствий, прибывает в Иркутск, к генерал-губернатору, с личным посланием царя и в финале разоблачает предателя, возглавившего восстание кочевников.

И сам Жюль Верн, и Этцель опасались, что роман сильно не понравится в России. Помнилось, что роман Александра Дюма «Учитель фехтования», вышедший в 1840 году был запрещен в России. Была романа Дюма и «развесистая клюква», и звали одну из героинь Телятина, а другую Телега... все это было. И шампанское из самоваров там пили. Но запретили роман не из-за этнографических и географических нелепостей, а потому, что в нем описывалось восстание декабристов.

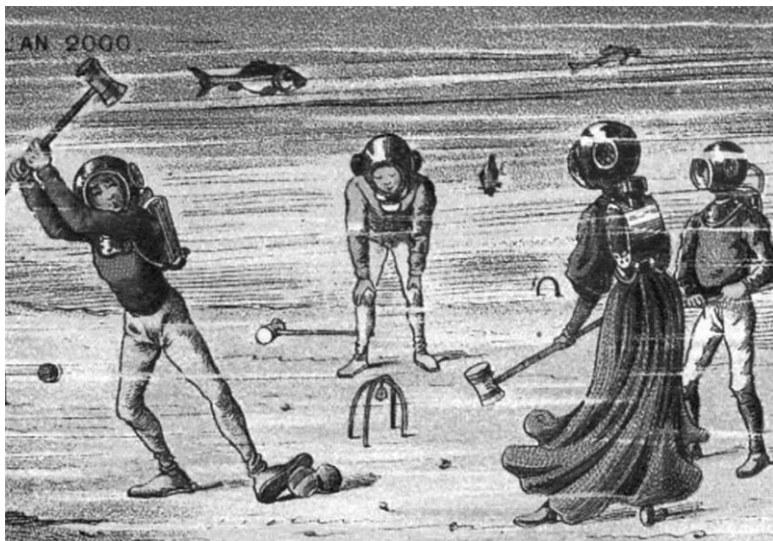
Впервые опубликовали «Учителя фехтования» только в 1925 году, с искажениями и огромными купюрами, сократив почти наполовину... Сократили опять по идеологическим соображениям, но уже противоположного характера – царь и правительство в царской России оказывались у Жюль Верна слишком «плохими» для царской власти и чересчур «хорошими» для советской.

Во время написания «Михаила Строгова», в 1876 году Россия ликвидировала Кокандское ханство, а Хиву взяла под протекторат. Вдруг опять что-то огорчит русских?! Прибегли к помощи Тургенева. 23 сентября 1875 года издатель получил ответ: «Мой дорогой друг, книга Верна неправдоподобна – но это неважно: она занимательна. Неправдоподобие заключается в нашествии бухарского хана на Сибирь в наши дни – это все равно, как если бы я захотел изобразить захват Франции Голландией». После его замечаний сцены татарского набега полностью переработали. По требова-

нию Этцеля Жюль Верн исключил все подробности, которые могли бы хоть как-то связать действующих лиц романа с реальными историческими личностями и с текущей политикой России. Впрочем, много фантастических деталей осталось.

Этцель продолжал сомневаться, и попросил Тургенева устроить встречу с русским послом, князем Н. А. Орловым¹⁴ ему и Жюлю Верну. Встреча состоялась в декабре 1875 года. Князь не нашел в романе «ничего предосудительного», но все же посоветовал изменить заглавие... Роман «Курьер царя» превратился в «Михаила Строгова».

Тем не менее цензура в России книгу не пропустила: в романе Василий Федоров, осужден за участие в тайной политической организации. Его дочь Надя едет в Сибирь искать отца (узнаем колорит «Детей капитана Гранта?»), – в нее то и влюбляется Михаил Строгов.

Карточка из серии «Мир будущего»: крикет под водой. Представить себе сложную аристократическую игру под водой авторам картинки проще, чем изменение длины юбки. Или исчезновение самой игры.

Власти явно не хотели ни привлекать внимание к революционерам, ни смущать умы походами «татар» на Иркутск. Русский перевод «Михаила Строгова» вышел из печати только в 1900 году и затем был включен в Собрание сочинений Жюль Верна, выпущенное после революции 1905 года П. П. Сойкиным. В России этот роман никогда не был широко известен и популярен. А вот во Франции этот ро-

ман выдержал сотни изданий! Одна из самых читаемых книг Жюль Верна.

Жюль Верн и Онорина в 1894 году. Особой близости не заметно.

Во-первых, французские школьники в течение многих десятилетий знакомились с географией России по «Михаилу Строгову». Жюль Верн прочитал невероятно много, вплоть до железнодорожных справочников. Русского он не знал, ему переводили. Писатель достаточно подробно описал все города, лежащие на пути Михаила Строгова: Нижний Нов-

город с его знаменитой ярмаркой, Казань, Пермь, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск... Да что города! Жюль Верн описал даже самые захолустные села и посады, почтовые станции и перевалочные пункты. Он описывал природу страны, занятия жителей, состояние проезжих дорог, транспортные средства, леса и животных.

Несомненно, это роман не менее познавательный, чем «Двадцать тысяч лье под водой» или «Дети капитана Гранта». Очень полезный для знания тогдашней России.

Во-вторых, Жюль Верн описывает Россию так, как ее хотели видеть во Франции. Индеец Талькав у него – очень условный арауканец, – такой, каким хотели видеть во Франции «положительного индейца».

Невозмутимый флегматик майор Мак-Набс и страстный националист Гленарван – очень условные образ шотландцев. Они такие, какими хотели бы их видеть образованные французы того времени.

Точно так же и герои «Михаила Строгова» соответствуют всем национальным стереотипам того времени. С «непостижимой русской душой», с маниакальной жадью «бороться с самодержавием», с самоварами и поеданием блинов. Имена у героев романа русские, названия городов и местностей соответствуют карте России. Некоторые города описаны с поразительной точностью, но в описаниях Жюль Верна встает не реальная Россия, а скорее некая далекая сказочная держава, у которой мало общего с действительностью любого

времени. Что-то вроде Лукоморья или Средиземья, населенного хоббитами.

Невольный вопрос – а хотел ли Жюль Верн вообще что-то знать о России? Не о сказочной, а о реальной? Без «клюквы» и без «княжны Телятины»? Без ослепления пленников «татарами» посредством раскаленной сабли? Без родного брата Императора в роли губернатора Иркутска? Не уверен. Все описания «иностранцев» у Жюля Верна очень общие и поверхностные. Национальным чертам он придает мало значения – не это его интересует. Но что русские у Жюля Верна весьма привлекательны – факт. Нет ни одного скверного русского, не появляется даже эпизодически ни одного подонка или бандита русского происхождения.

Национальных предрассудков Жюль Верн вообще не разделял. Никаких. Люди всех европейских народов у него одинаково умны, порядочны и отважны.

Исключение – разве что немецкий профессор Шульце, который выведен крайне комедийно и в высшей степени непривлекательно. Чавкая, профессор пожирает целые горы кислой капусты с сосисками, запивает озерами пива, после чего садится писать статью «Почему современные французы проявляют признаки дегенерации»⁶. Злоумышляя против французского героя романа, строящего совершенный «город здоровья и благоденствия», Франсевилль («Французский го-

⁶ Уэллс Г. Первые люди на Луне // Уэллс Г. Собрание сочинений в 15 тт. Том Третий. – М.: Огонек, 1964

род»), Шульце сооружает город «Штальштадт», «Стальной город», в котором изготавливает чудовищную пушку – палить по Франсевилю.

Конечно же, герр Шульце ошибся в расчетах: снаряд из его супер-пушки, преодолев земное притяжение, стал постоянным спутником Земли. Сам же Шульц погибает в своей лаборатории, готовя против Франсевилля очередную гадость.

Роман вышел в 1879 году... Откровенная попытка «реванша» после Франко-прусской войны 1870 года.

Поздний Жюль Верн

Похоже, писатель никогда особенно не любил родной Нант. В 1872 году по желанию Онорины семейство Вернов переезжает в Амьен. Как говорил сам Жюль Верн, «подальше от шума и невыносимой сутолоки».

Этому предшествовала целая череда семейных несчастий. В 1870 году от оспы умерли брат и жена супруги писателя, Онорины. 3 ноября 1871 года в Нанте умер отец писателя Пьер Верн. После его смерти в Нанте ничто не держало Жюля Верна. Впрочем, и в Амьене в апреле 1876 года Онорина едва не скончалась от кровотечения. Спасти ее удалось только с помощью редкой в те времена процедуры переливания крови.

Были и другие причины перебраться в Амьен, которые

Жюль Верн не рекламировал: Онорина рвалась к светской жизни, порой тратила слишком много на наряды. Как юного Жюля семья старалась отправить подальше от Нанта, в Париж, так взрослый Жюль Верн старался держать жену подальше от вредного для нее Парижа.

Многие исследователи считают выбор Амьена не слишком удачным – в этом городе жили родственники Онорины, с которыми у Жюля Верна было мало общего. Судя по всему, супруги только отдалялись в последние годы.

В целом же Амьен для Жюля Верна и его работы был выбором очень неплохим. В городе находилось старейшее научное учреждение Пикардии, – основанная в 1750 году Амьенская «Академия науки, литературы и искусства». В городе был музей, ботанический сад, театр. Работало Промышленное общество, созданное для поощрения местной индустрии и защиты ее от английской конкуренции.

Поселилась семья в собственном доме по адресу бульвар Лонжери, дом номер сорок четыре, на углу улицы Шарля Дюбуа. Массивный двухэтажный дом выходил своим фасадом на широкий двор. За ним лежал сад, тянувшийся вдоль Лонгевилльского бульвара. Высокая каменная стена отгораживала сад от нескромных взоров. Чтобы проникнуть в дом, нужно было или позвонить в большой медный колокол у главного входа, или вой ти в маленькую калитку со стороны улицы Шарля Дюбуа.

Если входить со двора, предстояло пройти через большую

оранжерею и огромную гостиную с широкими окнами, а кабинет писателя помещался на втором этаже большой круглой башни, возвышающейся над одним из углов дома. Уединенное место, в которое писатель пускал далеко не всех.

Обстановка самая простая: узкая железная кровать, тяжелое кожаное кресло, большой круглый стол и старая конторка. На ней и писалось все, кроме созданного в каюте «Сен-Мишеля». На каминной полке два бюста: Мольера и Шекспира.

«Амьенский период» – едва ли не самый продуктивный в жизни писателя. Здесь написаны 34 романа, и при том писатель вел в Амьене довольно активный образ жизни. Верны участвуют в жизни города, устраивают вечера для соседей и знакомых. Жюль Верна избирают в члены Амьенской академии наук и искусств, а в 1875 и 1881 – ее председателем. В 1888 году Верна избирают в городское управление Амьена, где он трудился муниципальным советником почти до физического конца, до 1903 года. На общественных началах, бесплатно.

Отмечу еще раз: в творчестве писателя не отразилась Парижская коммуна. Никак. В советское время этого или не замечали, или толсто намекали на то, что писатель революциям сочувствовал, но был вынужден молчать. А то его перестали бы печатать, упекли бы на каторгу... Но никаких, даже самых тонких и смутных намеков на парижские события 1871 года у Жюль Верна нет. Вообще. Нет никаких при-

чин полагать, что Жюль Верн хотя бы слабенько сочувствовал коммунарам, и был врагом существующего строя. Убежденным сторонником технического прогресса он был. Либералом – был. Поборником равных прав людей разных народов – был. Экономическое неравенство людей осуждал. Тиранию презирал. Рабством возмущался, в том числе торговлей африканцами. Конкретными действиями правительства мог возмущаться. Но революционером не был ни в какой степени.

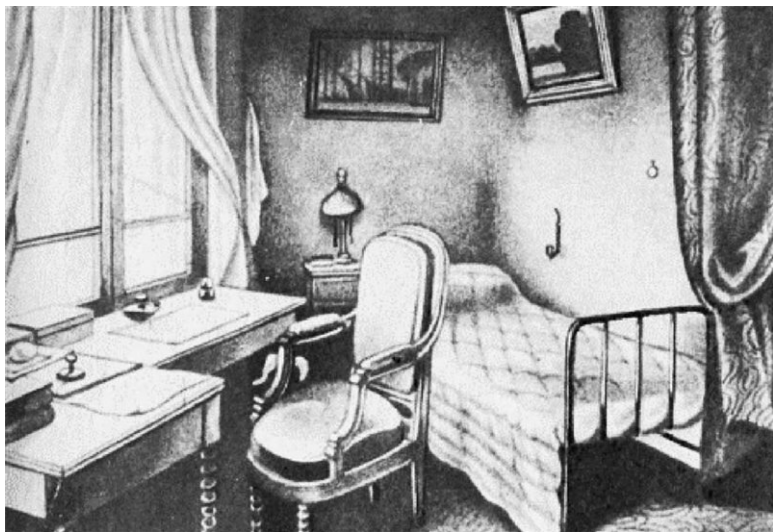
Если Виктор Гюго революции поддерживал и в пользу Парижской коммуны высказывался, то Жюль Верн этого не делал. Никогда.

И нет никаких оснований полагать, что он противопоставлял себя своему обществу, и политическому строю Франции своего времени. Тем более, при всех своих недостатках, этот политический строй не был ни жестоким, ни крайне несправедливым.

Живя в стране, пережившей большую и страшную революцию, фактически гражданскую войну, серию революций XIX века – 1830, 1848, 1871 годов, Жюль Верн постоянно оказывался среди людей разных, порой взаимоисключающих убеждений. Дружить он был готов со всеми – были бы люди хорошие. Хоть с анархистами, хоть с монархистами. Неразборчивость? В стране было слишком много противоборствующих сил. Или заниматься политикой, или писать. Если заниматься общественной работой, приходится делать

это, лавируя между политическими противниками.

В городское управление Амьена Верна выдвинули республиканцы, но он до конца своих дней оставался монархистом, сторонником орлеанской династии¹⁵. Впрочем, и с республиканцами он поддерживал самые лучшие отношения, – с теми, кто вызывал его уважение.

Рабочий кабинет и одновременно спальня писателя. Легко заметить – кровать никак не двуспальная.

В Амьене Верн организовывал выставки и представления, построил цирк; после смерти Жюль Верна цирк назвали его

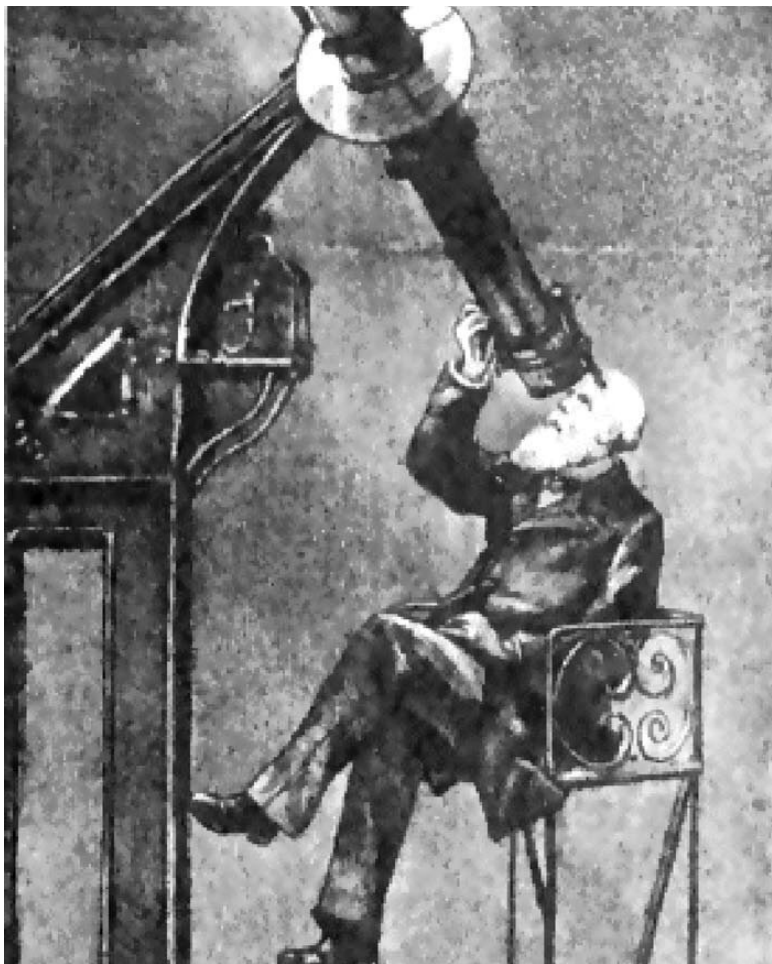
именем.

В Амьенский период приходит полное признание всего французского общества.

Тем не менее официальные академические учреждения дистанцируются от Жюль Верна.

Французская академия удостоивает его Большой премии за «Необыкновенные путешествия».

Но Академия не принимает его в свои члены.

Одновременно иллюстрация и портрет: писатель в образе астронома-любителя, короля Малекарлии из романа

«Плавучий остров». Л. Бенетт, 1895.

Причина простая и понятная: Жюль Верн пишет не «серьезные» романы, а какие-то побасенки для школьников и любителей приключений... Даже активнейшая помощь Дюма-сына не помогает стать академиком.

Правительство тоже прохладно. Во Франции, к ее чести будь сказано, есть несколько высших правительственных наград для писателей.

В 1892 году Жюль Верн стал кавалером ордена Почетного легиона, но ни медали «За заслуги перед Францией», ни «Ордена искусств и изящной литературы» он не получает. Причина та же самая: он не работает в жанре «высокой литературы». Ведь целями Академии является изучение французского языка, литературы, регулирование языковой и литературной нормы французского языка. А тут что? Так, песенки моряков, да «массовая литература», приключенческие поделки для подростков.

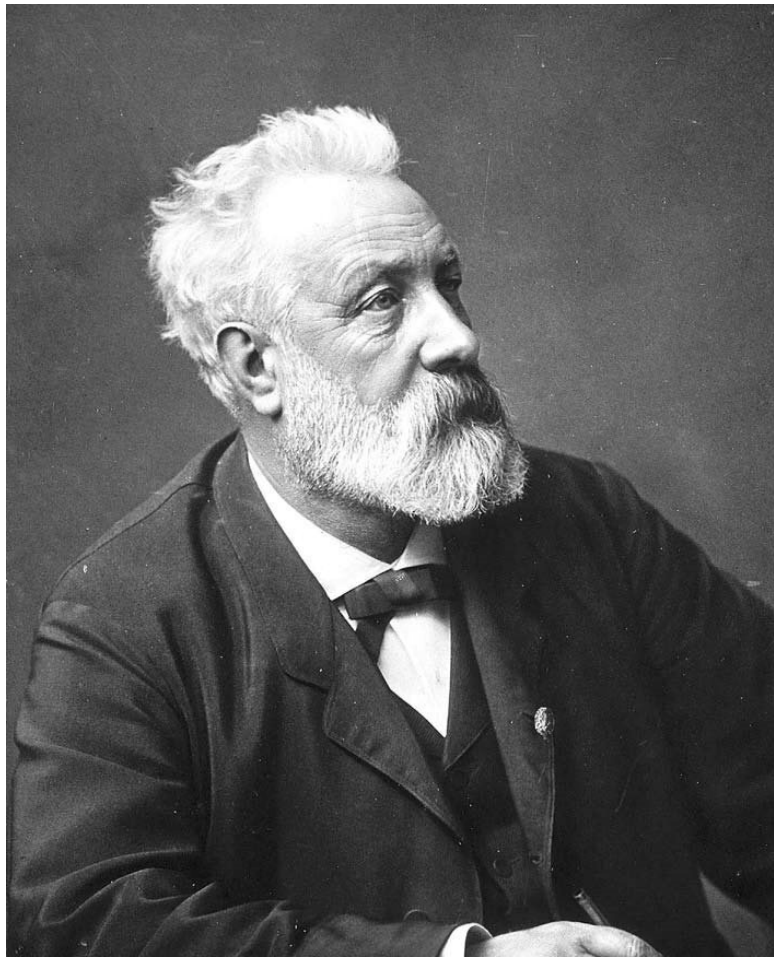
До самого недавнего времени фантастику не считали жанром «серьезной литературы». Научно-популярную литературу – тем более.

Если мы посмотрим на списки членов Французской Академии, то найдем там только одно знакомое имя: Виктора Гюго. Ни Дюма, ни Бальзак членами Академии не были.

Считается, что после 1892 года писатель только дорабатывает заготовленные сюжеты, не создавая новых. Ссылаются

на его слова 1902 года, – что в его возрасте «слова уходят, а идеи не приходят».

Вопреки этим грустным словам, Жюль Верн рассказывал и совершенно иное: «Каждое утро я встаю незадолго до пяти (зимой, может быть, чуть попозже), а в пять уже сажусь за стол и работаю до одиннадцати. Пишу я очень медленно, невероятно тщательно, постоянно переписываю, пока каждая фраза не примет окончательную форму. В голове я держу сюжеты по крайней мере десяти романов, готовые образы и фабулы, так что, как вы понимаете, материала мне хватает с избытком, и трудностей с доведением числа романов до восьмидесяти у меня не будет. Однако постоянные переделки отнимают много времени. Я никогда не удовлетворяюсь написанным, прежде чем не сделаю семь-восемь правок, всегда что-то правлю и правлю, можно сказать, что в чистовом варианте почти ничего не остается от первоначального. Это ведет к большой потере времени и денег, но я всегда стараюсь добиться лучшего как по форме, так и по стилю, хотя люди никогда в этом отношении не отдадут мне должного».

Жюль Верн в 1892 году.

По мнению Евгения Павловича Брандиса, «тоска и одиночество толкали Жюль Верна к еще более интенсивной работе, превратившейся под конец жизни в маниакальную страсть. Полуослепший, глухой, страдающий от подагры и диабета, от мучительных резей в желудке, он почти не ел, почти не спал, но продолжал исступленно писать... В результате накопилось столько готовых рукописей, что издатель, Этцель-младший, выпускавший ежегодно по два новых тома «Необыкновенных путешествий», не мог угнаться за производительностью автора. Многие из поздних романов, как и предвидел писатель, стали посмертными»⁷.

Только ли в тоске и одиночестве дело? С тем же успехом можно предположить, что Жюль Верн к концу жизни сделался более продуктивен, чем был раньше. И что писать ему нравилось.

В ноябре 1893 года Жюль Верн закончил одно из своих лучших произведений, двухтомный роман «Плавучий остров». Характерно, что рукопись он послал на просмотр брату, – специалисту в области навигации. Отмеченные Полем неточности в этой «до предела правдоподобной фантазии» писатель исправил за несколько дней. Да! Жюль Верн считал свою фантазию в высшей степени правдоподобной. В письме брату Полю от 9 сентября 1894 года он писал: «Здесь все будет соответствовать современным фактам и нравам, но ведь я прежде всего романист, и мои книги всегда будут казаться

⁷ Толстой А.Н. *Аэлита. Гиперболюид инженера Гарина*. – М.: «Правда», 1983.

выдумкой»⁸.

Изображая плавучий остров «Стандарт-Айленд» писатель порой ударяется в откровенную сатиру. Ведь на острове, созданном американскими миллиардерами, созданы луга и парки на искусственной почве, течет искусственная река Серпентайн. К услугам обитателей острова все блага тогдашней цивилизации: искусственный климат, движущиеся тротуары, электрические автомобили, круговая железная дорога, роскошные особняки. Газеты печатаются на съедобной бумаге шоколадной краской – их можно поедать.

«Счастью» мешают сами миллиардеры: они враждуют, разбиваются на партии. Вспыхивает гражданская война партий нефтяного магната Джема Танкердона и банкира Ната Коверли. Могучие электрические моторы пускают в разные стороны, и остров разрывается на две части, разрушается до груды обломков.

Уже из этого произведения видно, что Жюль Верн вовсе не прекратил «выдумывать». Только теперь, к концу жизни он сделался намного большим пессимистом, чем был большую часть своей жизни.

Во-первых, на него обрушилось слишком много семейных и личных несчастий. Много беспокойства доставлял единственный сын Мишель. Циничный и дерзкий, в 1876 он даже провел полгода в «исправительной школе» в городе Метре. Не помогло.

⁸ Верн Ж. *Пятьсот миллионов бегумы*. М., 1965.

В 1878 17-ти летнего Мишеля после попытки самоубийства отправили в Индию учеником штурмана на торговом судне. Считается, что «Пятнадцатилетний капитан» и был написан в назидание непутевому сыну. Не помогли ни положительные примеры из литературы, ни морская служба.

Вернувшись в 1880 году в Амьен, Мишель Верн многовато пил, слонялся по кабакам и публичным домам, учинял скандалы и драки. Отец был для него в основном источником легких денег и способом делать долги – ведь писатель всегда их оплачивал.

Вскоре Мишель вступил в связь с актрисой местного театра Терезой Дюгазон, и начал «самостоятельную» жизнь. Отец определил ему содержание в 1000 франков в месяц. В те дешевые времена заработок в 200 франков считался «весьма приличным».

Мишель, однако, все время пытался организовывать всевозможные деловые предприятия. Он то изобретал светильник нового типа, то основал горнорудную компанию, то производил велосипеды. Абсолютно все его предприятия заканчивались банкротством. Жюль Верн считал, что в общей сложности выложил 300 тысяч франков за долги сына.

Есть мнение, что именно из-за него он продал паровую яхту «Сен-Мишель III».

Вот несколько грустных строчек из письма к брату: «Дела мои складываются так плачевно, что меня страшит будущее. Мишель ничего не делает и не может найти себе при-

менения. Я потерял из-за него 200 000 франков и воспитание трех его мальчиков целиком ложится на мои плечи. Что и говорить, конец мой печален»⁹.

В конце концов Жюль Верн выставил сына из дома. Только около 1888 года с помощью второй невестки писателю удалось наладить отношения с сыном. Вроде, Мишель «взялся за ум». Он пытался писать научно-фантастические очерки, которые публиковались в Англии и США: «Курьерский поезд будущего» – очень смелый по тем временам проект Трансатлантического тоннеля, «Один день журналиста в 2889 году». Все рассказы выходили под именем Жюля Верна и до сих пор спорят, кто их писал – отец или сын. Впрочем, вскоре Мишель опять вернулся к предпринимательской деятельности. Мало какое предприятие вообще приносило хоть какую-то прибыль.

⁹ Брандис Е.П. *Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки.* – Л.: Детлит, 1981.

Мишель Верн около 1891 года.

Уже примирившись с отцом, сынок приехал в Амьен в новом шикарном пальто. Видимо, хотел предупредить упреки, и радостно заявил:

– Мне удивительно повезло! Купив эту вещь за тысячу франков, я сделал хорошее дело. Пальто прослужит мне десять лет и обойдется всего-навсего по сто франков в год.

– Да, тебе повезло, – ответил отец. – Ты сделал хорошее дело. А я шью себе пальто раз в десять лет за сто франков и потом отдаю в перелицовку.

Не радовали и другие родственники. Падчерицы, дочери Онорины от первого брака, ревновали к Мишелю: непутевый, но родной сын. Скорее всего, львиная доля наследства достанется именно ему. Атмосфера в доме становилась все тяжелее.

Трудно сказать, в какой степени прав Евгений Брандис, полагавший: «в конце концов этот мнимо благополучный буржуазный дом превратился в «клубок змей». Кабинет писателя, куда никто не имел права входить, был для него не только убежищем, но и крепостью»¹⁰. Возможно, все же преувеличение... А может быть, и не такое большое.

9 марта 1886 года в Жюля Верна дважды выстрелил из револьвера его племянник, Гастон Верн – сын Поля. Первая пуля не попала, а вторая угодила в лодыжку писателя. Пу-

¹⁰ Там же

лю так и не извлекли... Жюль Верн до конца жизни хромал. Есть мнение, что именно потому Жюль Верн перестал путешествовать.

Ненормальный объяснил, что таким способом он наказывает дядю за то, что он недостаточно знаменит, и не принят во Французскую академию. Никто не преследовал психически больного 26-ти летнего Гастона, но до конца своих дней он находился в психиатрической больнице.

Всего спустя неделю после стрельбы Гастона пришла весть о смерти издателя Этцеля. Недавно умерла Эстель Дюшен.

Кроме семейных неурядиц, смерти друзей мучали и болезни – сахарный диабет, который в те времена почти не умели лечить. Жюль Верн даже не смог приехать на похороны умершей 15 февраля 1887 года матери, Софи Верн: она мирно скончалась во сне. Позже он, полубольной, приехал в Нант, но только для того, чтобы вступить в права наследства и продать дом родителей.

27 августа 1897 года от сердечного приступа умер брат и соратник Поль Верн.

Уже мало причин для оптимизма.

К тому же наука, которую так любил писатель, в великие возможности которой он так верил, оборачивалась какой-то жуткой стороной: все больше использовалась для производства оружия. Он то был убежден: «Наука должна служить только добру! Нельзя допускать, чтобы она опережала уро-

вень нравственности!».

А на его глазах наука создавала пулеметы, громадные артиллерийские орудия, отравляющие вещества и колючую проволоку.

Жюль Верн на смертном одре.

Оптимизм Верна, вера в «неизбежный» прогресс сменилась тревожным ожиданием чего-то не слишком приятного.

В 1896 году Жюль Верн опубликовал «Флаг родины». Герой этого небольшого романа Том Рок – озлобленный человек, в душе которого «патриотическое чувство... угасло бесследно». Он изобрел «фульгуратор» – орудие такой мощно-

сти, что «государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей».

По силе действия этот снаряд приближается к атомному оружию... А ведь радиоактивность уже открыта! Опять «гениальное предвидение»? Но тогда предвидение не только атомной бомбы, но и частных армий, засилья уголовных шакек, смыкающихся с политическими радикалами. Ведь Том Рок продает свой чудовищный «фульгуратор» главарю шайки пиратов.

Никаких иллюзий у Жюль Верна нет: Том Рок становится пленником сборища интернациональных негодяев. Но его ждет духовное перерождение!

Над одним из кораблей, осадивших остров пиратов, развевается французский флаг... И тогда Том Рок взрывает собственный сверхснаряд, гибнет вместе с островом и всей бандой.

Еще одной из причин пессимизма писателя стало, как ему казалось, недостаточно высокое положение в литературе. «Больше всего в жизни я сожалею о том, что так и не занял достойного места во французской литературе» – заявлял он.

Это писал человек, которого принимал Папа Римский, о творчестве которого восторженно отзывались королева Британии и император Германской империи. Жаль, что мнение околелитературных снобов из Французской академии была для него важнее, чем мнение миллионов читателей.

Писатель скончался 24 марта 1905 года в своем амьенском доме по адресу Бульвар Лонжери, 44 (сегодня бульвар Жюль Верна), от сахарного диабета. Было ему всего 78 лет. На похороны пришли более пяти тысяч человек, в том числе посол Второй германской империи. Он передал официальные соболезнования семье от императора Вильгельма II. Ни один делегат французского правительства не приехал. Представителей от Французской академии тоже не было.

Погребальная процессия которую возглавляют сын и внук писателя. 1905.

Жюль Верн похоронен на кладбище Мадлен в Амьене. В

1907 году на его могиле возведен памятник работы Альбера Роза. Скульптор изготовил памятник с посмертной маски писателя. Жюль Верн поднимается из могилы, отталкивая плечами мраморную плиту. «К бессмертию и вечной юности» – гласит надпись, выгравированная на плите.

Посмертная жизнь Жюля Верна

После смерти писателя осталась картотека, включающая свыше 20 тысяч тетрадей со сведениями из всех областей человеческого знания, рукописи множества произведений в разной степени готовности. Этот громадный архив унаследовал Мишель Верн.

«Я желаю и настаиваю, – сказано в завещании, заверенном нотариусом, – чтобы все мои рукописи, мои книги, мои карты, моя библиотека, мои бумаги, все без изъятия, включая ноты, черновые наброски и т. д. немедленно перешло в полную и безраздельную собственность моего сына Мишеля Верна».

Этцель-младший предложил Мишелю готовить к публикации рукописи отца. Сын выпускал рукописи отца не слишком корректно. До 1910 вышло 7 посмертных произведений Жюля Верна, в том числе короткая повесть «Последний Адам», выпущенная в сборнике «Сегодня и завтра» в 1910.

Произведения, напечатанные после смерти Жюля Верна, входят в состав его сочинений и переведены на многие язы-

ки, – в том числе и на русский.

По содержанию и художественной значимости посмертные книги настолько различны, что уже в момент публикаций возникали сомнения – действительно ли это книги самого Жюль Верна?

Роман «В погоне за метеором» был почти готов уже в 1901 году под названием «Болид». Мишель Верн «дописал» его, а в 1986 роман издан под авторским названием и в авторской редакции Жюль Верна. Это типичный поздний жюльверновский роман, по духу напоминающий и «Плавучий остров», и «Флаг родины».

В сферу земного притяжения попадает золотой метеор. Он должен упасть на землю, и это вызывает панику: золото обесценивается. Акции стоят меньше бумаги, на которой они напечатаны, во всем мире нарушается финансовое и политическое равновесие.

Болид должен упасть в Гренландии, к ее берегам прибывают военные корабли и войска разных держав. Мир оказывается на пороге грандиозной войны... Опять гениальное предвидение Первой мировой войны, не иначе. А ведь Жюль Верн всего лишь вдумчиво анализировал то, что происходило в мире...

В авторской версии книги болид сам по себе рушится в море. В измененной Мишелем Верном версии, важную роль в событиях играет чудаковатый французский ученый Зефирен Ксирдаль. Это он изобретает механизм, с помощью кото-

рого притягивает к земле драгоценный золотой метеор. Увидев, что он натворил, Ксирдаль «бомбардирует атомами» золотой болид, и он рушится в море.

Мир возвращается в «нормальное» состояние: эскадры возвращаются, биржевые акции растут в цене, экономика не разрушена. Но самый хитрый в этой истории – «великий полководец в денежных битвах», банкир Лекер. Узнав о намерении своего крестника Ксирдаля «уронить» болид в море, он скупает обесцененные акции. На чем и становится миллиардером.

«Дунайский лоцман» написан в 1897 году Жюлем Верном под названием «В Магеллании». Более ранние авторские варианты названия – «Огненная Земля» и «На краю света». Издан в 1908 году. В 1988 году опубликован оригинальный текст Жюля Верна под названием «Прекрасный желтый Дунай». Он значительно отличается от версии 1908 года, отредактированной или вообще заново написанной Мишелем Верном. ...или вовсе не Мишелем Верном?

Книга «Кораблекрушение «Джонатана» в 1909 году вышла в 2 томах В оригинальной рукописи роман включал в себя 16 глав, а в версии Мишеля Верна их 31. Публикация сразу же вызвала ожесточенную полемику: читатели не узнавали в книге авторскую манеру Жюля Верна.

Итальянский исследователь творчества Жюля Верна, Пьеро Гондоло делла Рива, обнаружил оригинальную рукопись в 1977 году, разбирая семейные архивы издателя Этцеля. Пер-

вая публикация оригинальной версии состоялась в 1987 году стараниями Общества Жюль Верна.

В романе сильнее, чем в других произведениях Верна, выражена политическая тема – в том числе критика анархизма и социализма.

Главный герой книги – богатый и знатный Кау-Джер, что на языке индейцев означает «друг», «покровитель». Владелец громадных материальных средств, Кау-Джер поселяется на островке у мыса Горн. Здесь сливаются воды двух океанов, только в редкие дни не бывает сильных бурь. Он добывает пропитание охотой и помогает местным индейцам.

Так английская писательница Нелли Блай изобразила

Настоящее имя и национальность Кау-Джера неизвестны, его образ окружен ореолом таинственности. Кау-Джер свободно владеет многими языками; любой европейский моряк может принять его за соотечественника. Он широко образован, сведущ в медицине. Не признавая ни законов, ни власти, Кау-Джер отрицает общество как царство насилия.

Но вот у мыса Горн терпит крушение судно с переселенцами. Конечно же, Кау-Джер не может их оставить в беде и организует на острове Осте колонию.

Ему приходится поступать вопреки абстрактным идеям «свободы и независимости личности»: приходится устанавливать правила общежития, карать преступников, применять насилие. Колония спасена – но Кау-Джер добивается этого, устанавливая власть и опираясь на силу.

В конце романа внутренне разочарованный Кау-Джер слагает с себя полномочия и поселяется на уединенном островке. Он психологически преобразуется и приходит к Богу.

Интересно, что вероятным прототипом главного героя романа стал эрцгерцог Австрийский Иоанн Сальватор он же Иоганн Ор (1852–1890).

Этот человек после самоубийства принца Рудольфа в Майерлинге отказался от своего титула, покинул Европу и жил на острове Огненная Земля. Он не хотел общаться с людьми и если в его хижину приходили, убегал. Единствен-

ным его обществом было несколько громадных собак¹⁶

На высокородное происхождение героя романа Жюль Верна, Кау-Джера, прямо указывается в версии Мишеля Верна: «отпрыск правящей династии могущественной северной державы, предназначенный с самого рождения повелевать людьми, Кау-Джер вырос у подножия трона». Однако в оригинальном варианте тайна происхождения Кау-Джера не раскрывается.

Главное же – в версии Мишеля Верна главный герой вовсе не достигает просветления.

Мишель Верн в 1869 году. Какой милый мальчик...

Видимо, для одержимого левацкими идеями французского общества такой вариант более интересен.

«Маяк на краю света» Жюль Верн послал издателям в феврале 1905 года – за месяц до своей смерти. Новый обладатель прав на книгу Мишель Верн остановил публикацию. Книга вышла в сорок первом томе «Необыкновенных путешествий» вместе с романом «Вторжение моря» 15 ноября 1905 года.

Роман «Золотой Вулкан» писался в 1899–1902 году, однако Жюль Верн считал эту книгу не очень удачной, поэтому не публиковал. После редактирования Мишелем Верном ее опубликовали в 1906 году. Оригинальная авторская рукопись романа вышла усилиями «Общества Жюля Верна» в 1989 году.

Мишель Верн – то ли профанатор, то ли неплохой писатель. Фото JEANVERNE.

Роман «Агентство Томпсон и К°» впервые опубликован в 1907 году в газете «Le Journal» под именем Жюль Верна. Кто его написал, спорят до сих пор. Характерно, что Жан-Жюль Верн, внук и вместе с тем биограф Верна-отца, никаких указаний на авторство Мишеля не дает. Он утверждает, что «Агентство Томпсон и К°» – своего рода «передышка» писателя в потоке произведений, затрагивающих серьезные социальные темы.

Набросок сюжета мистического романа «Тайна Вильгельма Шторица» сделан Верном в 1897 году. Возможно, под влиянием «Человека-Невидимки» Герберта Уэллса. С 1901 году Жюль Верн корректировал и оформлял рукопись... Это последний манускрипт, отправленный писателем Этцелю для печати в начале 1905 года. Отправив роман Этцелю, Верн предлагал озаглавить его «Невеста невидимки». 24 марта писатель скончался, и рукопись осталась у издателя.

После смерти писателя Мишель Верн основательно отредактировал и доработал рукопись, найденную в архиве. Считают, что сделал он это по указаниям издателя... Но как было дело, не известно. Изменено время действия – из XIX века события перенесены на век раньше, изменена концовка произведения – главная героиня, Мира, становится видимой после родов.

Роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» Жюль Верн не успел закончить – готовы были 5 глав

этого романа. 22 остальные главы написаны Мишелем Верном через 9 лет, в 1913 году. Фантастический рассказ «Вечный Адам» опубликован в 1910 году. Время написания не известно, но очевидно – написан он в последние годы жизни Жюль Верна. Типичный для этого времени пессимизм писателя... Хотя в отличие от «Флага Родины» и «Властелина мира» автор сохраняет веру в возрождения Человечества. Пусть в результате катастрофы погибает почти все человечество, пусть немногие оставшиеся в живых возвращаются в первобытное состояние... Спустя тысячелетия на Земле начинается зародиться новая цивилизация. Ученый Софр-Аи-Ср пытается восстановить накопленные людьми за века знания и умения.

Роль Мишеля в дописывании романов отца оценивается по-разному.

«Эти романы были стилизованы под манеру Ж. Верна, но с литературоведческой точки зрения сильно отличались от всего, написанного им в XIX веке. Вне зависимости от года написания и публикации, все романы Жюль Верна написаны в неторопливой и обстоятельной манере, с огромным количеством научно-популярной информации (зачастую элиминированной в переводах), отличаются позитивным мировоззрением и верой в торжество прогресса. Романы, опубликованные после 1905 года, отличаются полным отсутствием «лекционного» материала, более стремительным действием, а по мировоззрению намного более мрачны и пессимистич-

ны. В новых книгах речь идет об атомной энергии и ее практическом использовании, телевидении, реактивных самолетах и телеуправляемых ракетах. Работавший с архивом Ж. Верна П. Гондоло делла Рива утверждал, что Мишель, несомненно, был лучшим писателем, чем поздний Жюль Верн, у которого сюжет развивался медленно, натянато, запутанно. Если не касаться идеологии, то «все, сочиненное Мишелем, представляет... положительное явление с точки зрения литературной»¹¹.

Сам Брандис был другого мнения. Он полагал, что Мишель «был не столько оригинальным писателем, сколько умелым имитатором. Конечно, ему не откажешь в одаренности. Но больше всего в нем поражает гибкость ума, способность к мимикрии, искусство приспособления, свойства, которыми он был наделен в полной мере. Он эксплуатировал отца не только при его жизни, но и после смерти. Подобно паразитическому растению, он цепко опутал могучий ствол, существуя за счет его живительных соков в незавидном качестве писателя-невидимки»¹².

Впрочем, есть мнение и о том, что Мишель Верн вообще был не в состоянии ничего написать. Никак. Если так, то таинственные посмертные романы Жюль Верна становятся еще таинственнее. Возможно, романы дописывала вторая

¹¹ Брандис Е.П. *Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки.* – Л.: Дет. лит., 1981.

¹² Там же

жена Мишеля, Жанна Ребуль. Называют и другие кандидатуры. Возможно, так и было – Мишель владел правами, но не он работал с рукописями отца.

В любом случае, наследство Жюля Верна оказалось огромно. Уже очевидно, что писатель интенсивно работал в последние годы. Какое уж тут «слова уходят, а идеи не приходят». Как раз новых идей очень много. У раннего Жюля Верна не было ни пессимизма, ни сомнения в пользе прогресса, ни тем более религиозных мотивов или мистики. В его книгах 1870-1880-х годов негодяй мог исправиться, но никак не мог бы прийти к Богу.

Многое он пересмотрел. Многое додумал. Дай ему Господь еще 10–20 лет, мы бы увидели другого Жюля Верна, – даже ярче и интереснее прежнего.

Введение третье, или: Жизнь Жюль Верна после физической смерти Жюль Верна

*Гений не имеет возраста
Жюль Верн*

Сын, внук и правнуки

Расставшись с женой и двумя детьми, Мишель Верн второй раз женился на 16-летней Жанне Ребуль. Эта юная женщина и примирила его с отцом. У Мишеля были дети от первого брака, Мишель и Жорж, которые себя ничем не прославили. От Жанны Ребуль Мишель также имел сына – Жана Жюль-Верна (1892–1980).

Жан Жюль-Верн хорошо знал и помнил знаменитого деда: в 1905 году, когда Жюль Верн ушел из жизни, внуку было 13 лет. Его детство и отрочество частично прошли в Амьене, в доме Жюль Верна.

По семейной традиции Жан Жюль-Верн получил юридическое образование, занимался судебными делами, закончив служебную карьеру председателем Трибунала высшей инстанции в Тулоне, где жил до конца своих дней. В течение многих лет Жан Жюль-Верн был почетным президен-

том французского Жюль-Верновского общества. Того самого, которое восстановило авторские версии последних книг Жюль Верна, изгаженные его сыном Мишелем.

Материалы для своей книги про дедушку он собирал около сорока лет, сводя воедино документы, воспоминания и свидетельства. После выхода на пенсию все свои последние годы Жан Жюль-Верн целиком посвятил себя работе над книгой. Временами весьма разные мнения о том, что он делает, проникали в печать и бурно обсуждались в обществе.

Жан Жюль-Верн, по характеру человек невозмутимый, не спешил, и книгу про деда выпустил в свет только на восемьдесят втором году своей жизни¹³. Характерно, что в этой книге о своем отце он сообщил очень немного, а о его литературной работе практически ничего не рассказывал. Возможно, он знал, кто на самом деле дописывал «посмертные» романы Жюль Верна, но не стал раскрывать семейной тайны.

¹³ Брандис Е.П. *Вновь открытый Жюль Верн // Детская литература 1975: сборник статей / Сост. В. Андреенков. – М.: Детская литература, 1975. – С. 200.*

Жанна Ребуль, матриарх современных Вернов.

Кроме биографии деда, Жан Жюль-Верн написал продолжение книги о Михаиле Строгове – «Триумф Михаила Строгова», работал над музыкальной пьесой «80 дней вокруг света».

После запуска в СССР первых искусственных спутников, полета Юрия Гагарина, затем буквально после каждого очередного успеха в освоении космоса Жак Жюль-Верн давал интервью журналистам, в том числе и советским.

Был дважды женат, имел троих детей. Его сын, правнук писателя Жан Верн, родился в 1962, известен как оперный тенор. Именно он нашел рукопись романа «Париж в XX веке», которая долгие годы считалась семейным мифом, и была опубликована лишь в 1994 году.

Дети и внуки у него тоже есть.

Итак, жизнь рода и семьи продолжена.

Но Жюль Верн бессмертен и в культуре.

Основатель направления в литературе

Жюль Верн стал если не основателем – то одним из первых представителей двух связанных между собою жанров: научной фантастики и научно-популярной литературы. Он делал фантастическое инженерное допущение, – это фантастика. Но тут же Жюль Верн использовал фантастическую машину для того чтобы рассказать о последних достижениях науки своего времени – это «научпоп». Невозможно вы-

стрелить из пушки на Луну – но можно описать Луну, какой ее видели в 1860-е годы. Не выдерживает критики полет на воздушном шаре – но можно описать внутренние области Африки, в которых никто пока не бывал.

Иной специалист возразил бы, назвав его книги не научно-популярными, а научно-художественными. Не буду спорить, не эти детали важны. Главное – созданный Верном тип романа оказался очень продуктивным. Число продолжателей, работавших в том же жанре – буквально сотни, если не тысячи.

Иногда выделяют период «доуэллсовской» фантастики – до первых лет XX столетия. Но ведь и после Уэллса основанный Жюлем Верном жанр не умер. Говорят о приключенческой фантастике, даже об инженерной. Называть можно, как угодно. Как ни называй, а «Школа Жюля Верна» – разветвленное литературное направление, сложившееся столетие с лишним назад и сохраняющее свою жизненность даже в наше время, непростое для литературы. По крайней мере в литературе для юношества «Школа Жюля Верна» живехонька.

Влияние на науку

Есть и такое явление, как обратное воздействие фантастики на науку.

Е. Брандис пишет о «вдохновляющем» воздействии – видимо, имеется в виду, что романтическая подача научно-тех-

нического прогресса поддерживает у молодежи желание становиться учеными, изобретать и организовывать. Возможно, имеется в виду еще одно: предположение о реальности того или иного изобретения заставляет пытаться его реализовать уже не в фантастике. Видимо, прав Артур Кларк. В своей книге «Черты будущего» (М.: Мир, 1966) он вывел три важных «закона»: 1 Если почтенный, но престарелый ученый говорит, что нечто возможно, он почти наверняка прав. Если он говорит, что нечто невозможно, он почти определенно ошибается. 2 Единственный путь обнаружить пределы границы возможного – выйти за эти границы в невозможное. 3 Любая достаточно развитая технология неотличима от магии. Жюль Верн упорно говорил: «Это возможно!», и он всегда оказывался прав. А что его проекты казались «магическими», или, если угодно, «фантастическими» – это уже вопрос не пределов возможного, это вопрос пределов ума современников. Описав голограмму, писатель-фантаст подталкивает инженеров создать нечто подобное. Если фантаст еще и предполагает, каким способом можно создать такое изобретение и какими путями – тем более иницируется тщательная практическая работа. «Наутилус» очень похож на современные атомные подводные лодки. Принцип действия совершенно иной, конструктивные решения абсолютно иные – но ходят по современным морям подлодки, внутри которых есть целые теннисные корты. Поставить внутри такой подлодки библиотеку и музей – нечего делать.

В рассказе «Уровень шума»¹⁴ физикам предлагают «восстановить» прибор-антигравитатор. Военные показывают им обгорелые обломки и рассказывают – на их глазах изобретатель поднялся на 15 метров над землей начал летать... и взорвался. Раз это можно сделать – сделают! Ведь теперь «точно известно» что антигравитатор возможен... Еще более ироничный колорит в «Жемчужине» А. Балабухи¹⁵: создатель «вечного двигателя», «перпетуум мобиле», вынужден придумывать вполне фантастическое объяснение откуда прибор черпает энергию. Лишь бы прибор начали использовать, воспроизводить... Потом уже разберутся, что это «перпетуум мобиле» и есть.

Действительно – если знать, что достижение возможно, его рано или поздно воспроизведут. Конечно, есть огромная разница между точным знанием, что изобретение возможно, и фантастическим предположением. Но что фантастика подталкивает развитие науки и техники – факт.

Один из первых создателей подводных лодок, Саймон Лейк (1866–1945) в возрасте 10 лет первый раз взял в руки книгу Жюль Верна: «Двадцать тысяч лье под водой». Изобретатель считал, что эта книга определила всю его дальнейшую жизнь и работу. «Жюль Верн был главным распорядителем моей жизни» – не раз произносил Лейк.

В 1901 году он построил подводную лодку «Протектор».

¹⁴ Брандис Е.П. Жюль Верн. Изд. 2-е. – Л.: Лениздат, 1963. – С. 327.

¹⁵ Верн Жан-Жюль. Жюль Верн. – М.: Человек, 2007.

В 1903 году подлодка «Протектор» в 1903 году совершила переход из Бриджпорта в Нью-Йорк, и тогда изобретатель послал автору «20 000 лье под водой» срочную телеграмму: разделил свой успех с Жюлем Верном. Не получив заказа от американского флота, Лейк продал «Протектор» русскому флоту в 1904 году. Для русского флота Лейк строил подводные лодки «Осетр», которые во время русско-японской войны были доставлены в Либаву, а оттуда во Владивосток. Позднее по проектам Лейка строились подводные лодки типа «Кайман».

Во время Первой мировой войны Лейк в США на собственной корпорации «Lake Torpedo Boat Company» построил 24 подводных лодки для американского флота. После Великой войны заказы прекратились, в середине 1920-х корпорация закрылась. Но опыт ее был много раз использован. Именем Лейка названа база подводных лодок США: «Simon Lake».

Тридцать лет спустя после появления «20 тысяч лье под водой» инженер Лебеф, построивший первую подводную лодку с двойным корпусом, назвал Жюля Верна соавтором своего изобретения. Он считал, что писателю принадлежит приоритет не только самой идеи двойного корпуса «Наутилуса», предохраняющего его от огромной силы давления водяного столба, но и обоснование этого решения.

В 1831 году петербургский титулярный советник Алексей Подолецкий представил в кораблестроительный комитет

Морского Штаба проект (описание и рисунок) изобретенной им подводной лодки, которая могла бы «плавать под водою и опускаться в глубину оной на столько футов или сажен, сколько потребует надобность».

Рассмотрев проект Подолецкого, Кораблестроительный комитет принял его к сведению и сообщил изобретателю, что постройка подводной лодки по его предложению не рациональна.

Что тут сказать? Безвестный титулярный советник не смог ни в чем убедить морское министерство. Знаменитый писатель Жюль Верн сумел разбудить мысль ученых. Но ведь и обращался он не к нескольким чиновникам, а ко всему человечеству.

Летающая платформа Робура-завоевателя приводится в действие вертолетными винтами. Такая платформа не полетит... но как бы это можно применить? Сикорский сумел это сделать, его вертолеты полетели.

Некое подобие вертолета создал Хуан де ла Сьерва (1895–1936). В 1922 году его автожир или гирокоплан, поднялся в воздух. Подъемная сила автожира создавалась при помощи большого несущего винта, который располагался над фюзеляжем и вращался под действием набегающего потока воздуха.

Конец изобретателя невеселый – Хуана де ля Сьерва погиб при автокатастрофе в 1936. Его отец и дядя остались в Испании и были убиты коммунистами. Его вдова второй раз

вышла замуж, и всем ее потомкам генерал Франко, каудильо Испании, пожаловал специально учрежденный для них титул графа де ла Сьерва. Потомки детей вдовы Хуана де ла Сьерва до сих пор украшают собой нашу прекрасную Землю – которую так любил Жюль Верн. Сам Хуана де ля Сьерва не раз говорил, что на создание автожира его вдохновил «Альбатрос» Робура-Завоевателя.

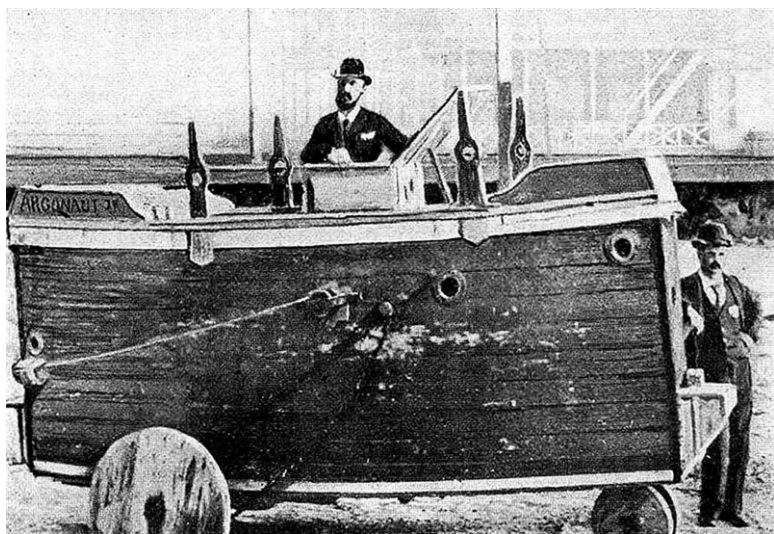
Знаменитый бразилец Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) строил в основном ди ри жабли. Он разработал, построил и испытал первый практически пригодный для полетов управляемый воздушный шар.

Саймон Лейк, около 1923 года.

19 октября 1901 года он облетел вокруг Эйфелевой башни, доказав – управляемый полет возможен!

Положив начало созданию дирижаблей, Сантос-Дюмон совершил и первый в Европе публичный полет на аэроплане «Хищная птица» – в Париже, 23 октября 1906 года. Это был первый полет на аппарате тяжелее воздуха, который не использовал катапульты, сильного ветра, рельсов... словом, какие-либо внешних факторов для запуска и взлета. 12 ноября 1906 года он установил первый мировой рекорд в авиации, пролетев 220 метров менее чем за 22 секунды.

Лодка «Протектор», около 1897 года. Это Жюль Верн еще увидел.

Сантос-Дюмон внес значительный вклад в конструкцию и дирижаблей, и самолетов. Друг миллионеров и королей, Сантос-Дюмон был необычайно популярен. Парижане дали ему прозвище «Малыш Сантос», копировали стиль его одежды, – пестрые бразильские рубашки, панамы.

А начало? Его отец имел французские корни, был инженером, и сделал немало технических усовершенствований, которые не только позволили облегчить ручной труд на его обширных плантациях, но и дали немалое состояние, сделали Сен-Дюмона – старшего «кофейным королем Бразилии».

Альберто увлекался машинами, любил управлять паровыми тракторами и локомотивом на семейной плантации. К 10 годам он прочитал все доступные ему книги Жюль Верна. Позже он рассказывал, что мечта о полете как о реальности пришла к нему, когда он всматривался в сияющее небо Бразилии и читал Жюль Верна. «Он научил меня никогда не сомневаться в победе» – сказал герой о любимом писателе.

Капитан Немо получал электричество за счет разности температур морской воды на разной глубине.

В 1881 году французский врач Жак Арсен Д'Эрсонваль (1851–1940) предложил необычный паровой двигатель: использующий разность температур воды. «Эксперты» буквально замордовали его, ученый оставил «бессмысленные» эксперименты. Жак-Арсен д'Арсонваль стал наставником и другом академика Жоржа Клода (1870–1960). Жан Клод на-

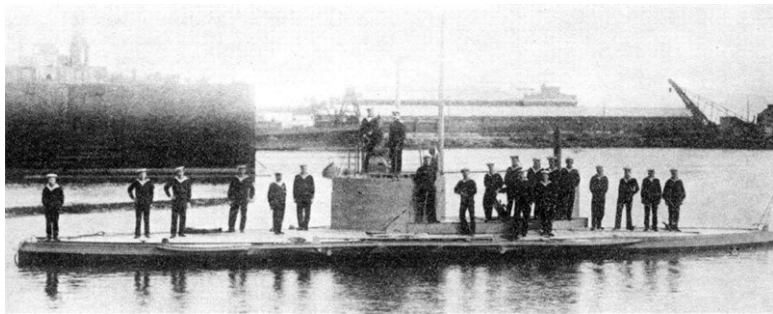
чал с того, разработал в 1902 году систему сжижения воздуха, и начал в промышленных масштабах получать сжиженный кислород, азот и аргон. В середине 1902 года основал компанию по производству технических газов, которая существует до сих пор. В декабре 1910 года Жорж Клод сделал первую газоразрядную лампу, заполненную неоном. 9 ноября 1911 года Клод запатентовал неоновую рекламу.

А под руководством Д'Эрсонваля Клод вместе с инженером Бушери создал принцип «Океанского Теплового энергетического Преобразования». В 1926 году Клод и Бушери, усовершенствовав двигатель Д'Арсонваля, продемонстрировали перед Французской академией наук паровой двигатель, в котором вода кипела при температуре $28\text{ }^{\circ}\text{C}$; пар вращал турбину, а от генератора горели лампочки.

В 1928 году инженеры построили электростанцию в Бельгии. Источником тепла для нее служила вода, охлаждавшая домну, которую просто сбрасывали в реку. Температура этой воды всегда была на $20\text{ }^{\circ}\text{C}$ выше, чем в реке. Разности температур оказалось достаточно, чтобы кипящая при пониженном давлении вода приводила в действие турбогенератор мощностью 50 кВт.

В 1930 году Клод построил первую работающую установку по получению электроэнергии из океана на Кубе мощностью 22 кВт. В 1935 Клод построил другой завод, на сей раз на борту 10 000-тонного грузового судна, пришвартованного недалеко от берега Бразилии. Шторма разрушили оба за-

вода, прежде чем они могли стать выгодными производителями электроэнергии. Продолжить не удалось – нефть тогда еще была дешева, об экологии думали мало. Строить океанские электростанций оказалось слишком дорого, расходы могли окупиться лишь через десятки лет. Но эксперименты по использованию электрического тока от проводников, погруженных на разные глубины моря, продолжают, становятся все эффективнее. В США и Японии работают экспериментальные установки такого рода.

Лодка «Сиг» в порту Либавы, около 1904 года. Купив лодку «Протектор», русские моряки тайно вывезли ее из США на борту норвежского судна, и собрали в России. Впрочем, многие детали они создавали заново. «Сиг» и «Осетр» – это уже не «Протектор», это новые типы подводных кораблей.

Конец академика Жоржа Клода тоже печален: он был сторонником режима Виши и сближения с Германией. После

войны его судили, исключили из Французской Академии, приговорили к пожизненному заключению. Освободили в 1950-м году, за 10 лет до физической смерти. А сделанное им «прогрессивные люди» из политических соображений постарались забыть. Интересно, живи Жюль Верн в 1940 году, какую из политических сил он бы поддержал? Маршала Петена или разбойников из зарослей?

Эдуард Белен (1876–1963) – французский фотограф и изобретатель, создавший в 1907 году фототелеграфное устройство под названием «Белинограф» или «бильдаппарат». Передача фотографий Белина использовалось с 1914 года, с 1921 года изображения передают по радиоволнам.

По словам самого Эдуарда Белина, «Жюль Верн оказал решающее влияние на выбор моих исследований».

Наследие Жюля Верна так громадно, так оптимистично, что невольно хочется привести некое мрачноватое пророчество. То, что прозвучит даже несколько зловеще в эпоху разговоров о «бунте роботов», зловещей «сингулярности» и прочих пугалок, но право же, оно лучшее и самое емкое из возможных: «Человек до тех пор будет изобретать машины, пока машина не пожрет человека». Сказано это в первом романе «Пять недель на воздушном шаре».

Страшно? Почему-то не очень...

Вдохновитель инженеров и ученых

Вопрос не только в прямой индукции каких-то конкретных изобретений. «Усвоить науку можно лишь тогда, когда она поглощается с аппетитом», – как-то сказал Анатолий Франс. Жюль Верн с огромным «аппетитом» «усовершенствовал» все виды транспорта, от сухопутных до воображаемых межпланетных. Географическая фантастика у него всегда соседствовала с инженерной. Чтобы автор мог рассказывать о посещенных ими странах, герои «Необыкновенных путешествий» создают быстроходные машины, подводные и воздушные корабли, стирая с географических карт последние белые пятна.

Изобретатели, инженеры, строители – они воздвигают прекрасные города, орошают бесплодные пустыни, находят способы ускорять рост растений с помощью аппаратов искусственного климата, конструируют электрические приборы, позволяющие видеть и слышать на большом расстоянии, мечтают о практическом использовании внутреннего тепла Земли, энергии Солнца, ветра и морского прибоя, о возможности накопления запасов энергии в мощных аккумуляторах, изыскивают способы продления человеческой жизни и замены одряхлевших органов тела новыми, изобретают цветную фотографию, звуковое кино, автоматическую счетную машину, синтетические пищевые продукты, одежду из стек-

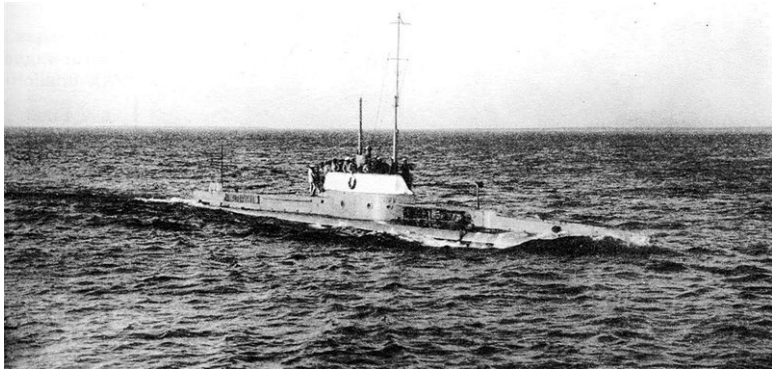
лянного волокна. Словом, создают множество замечательных вещей, облегчающих жизнь и труд человека, помогающих ему преобразовывать мир.

Все это будило и будит мысль, активизирует само стремление отправиться в поиск. Этим Жюль Верн оставил намного более заметный след в истории научной мысли, чем провокацией конкретных открытий.

Портрет Жюля Верна висел в кабинете итальянского изобретателя радиосвязи Маркони, соперника Попова.

«Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Жюлем Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении» – говаривал Константин Эдуардович Циолковский.

Отвратительные переводы не помешали Д. И. Менделееву называть Жюля Верна «научным гением», постоянно перечитывать его книги. На смертном одре Менделеев просил читать ему «Приключения капитана Гаттераса». Впадая в забытие, Дмитрий Иванович ненадолго приходил в себя и всякий раз говорил: «Что же вы не читаете, я слушаю...». Он умер под слова Жюля Верна. Мы, религиозные фанатики, верим – Дмитрий Иванович и Жюль Верн могут встретиться. Вот недочеловеки, убившие членов семьи Хуана де ля Сьерва, будут находиться в совсем другом месте. Ну, это их собственный выбор.

Подводные лодки «Кайман», несмотря на экзотическое «американское» название, от начала до конца созданы в России – усовершенствованный вариант «Сигов» и «Осетров».

Основатель современной аэромеханики Н. Е. Жуковский, в своей библиотеке держал только научную литературу. Исключения было сделано для «Робура Завоевателя» Жюль Верна.

Список можно удлинить и другими славными именами: многие крупные ученые не только в юности увлекались Жюлем Верном, они сохранили любовь к нему до конца жизни.

Владимир Афанасьевич Обручев повествовал, что «хороший научно фантастический роман дает большее или меньшее количество знаний в увлекательной форме, а главное – побуждает читателя к более глубокому ознакомлению с описываемыми в нем странами, явлениями, изобретениями...

В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна... которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран».

«В этих любимых книгах мне нравились не только охотники и моряки; в них часто описывались и ученые, иногда смешные и донельзя рассеянные. как Паганель в «Детях капитана Гранта». Ученые знали название камней и растений, определяли морских рыб через окна «Наутилуса», находили выход из трудных положений. И мне хотелось сделаться естествоиспытателем, открывать неизвестные страны, собирать растения, взбираться на высокие горы за редкими камнями».

М. Мурзаев, В. В. Обручев, Г. Е. Рябухин. Владимир Афанасьевич Обручев. – М.: Наука, 1986.

Уже в старости Обручев признавался, что Мастон с крючком вместо руки, благородный Гаттерас и таинственный Немо до сих пор с прежней силой владеют его воображением.

Великий исследователь пещер Норберт Кастере (1897–1987) писал: «Почти такое же влияние, как личная склонность, на мою любовь к пещерам оказала изумительная книга Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». – Я перечитал ее много раз и признаюсь, что читаю и теперь с таким же захватывающим интересом, как когда-то в детстве».

12 апреля 1966 года летчик-космонавт СССР Алексей Леонов знакомится с внуком писателя Жаном Жюль-Верном. Снимок парижского Агентства иллюстраций для прессы (Agip).

Иван Антонович Ефремов рассказывал Е. П. Брандису, что самое большое влияние на его личность и на выбор профессии оказали два романа Жюль Верна: «Путешествие к центру Земли» и «Двадцать тысяч лье под водой». Ефремова знают как фантаста, но ведь он еще крупный геолог и палеонтолог, создатель науки «Тафономии» о закономерностях

залегания останков древних животных.

Это я привожу примеры крупных, известных ученых – причем по роду научных занятий – постоянно путешествующих. Жюль Верн наставил, направил, вдохновил и множество путешественников, первооткрывателей, создателей новых средств транспорта.

Своим Учителем почитал Жюля Верна Ричард Ивлин Берд, или Берд (1888–1957).

Четырьмя крупными антарктическими экспедициями под его руководством (1928–1930, 1933–1935, 1939–1941 и 1946–1947) были открыты и обследованы обширные районы Антарктиды. На карте этого материка до сих пор красуется Земля Мэри Берд: Ивлин Берд назвал ее в честь жены.

Сегодня сомневаются, что в 1926 году он первым пролетел над Северным полюсом. Но совершенно точно известно: в 1929 году Берд первым в истории пролетел над Южным полюсом.

«Мной предводительствовал Жюль Верн», – ответил Берд на вопросы журналистов.

Почти так же высказывался Джордж Хьюберт Уилкинс (1888–1958) – австралийский полярный исследователь, путешественник, летчик, фотограф, писатель. В 1928 году он первым в истории летчиком, совершившим трансполярный перелет от мыса Барроу в Аляске до Шпицбергена. Стал первым пилотом, совершившим полет над Антарктидой.

В 1930 году он попытался достичь Северного полюса на

подводной лодке. Как опытный полярный летчик Хьюберт Уилкинс прекрасно знал, что льды на Северном полюсе даже в самые суровые холода находятся в движении. Постоянно появляются участки открытой воды, которые подводная лодка смогла бы использовать, чтобы всплыть у Северного полюса. А подводные лодки могут сократить расстояния сухоходных маршрутов между Северной Америкой и Европой, снабжать всем необходимым метеостанции на дрейфующих льдах.

Уилкинс взял в аренду (за символическую плату в 1 доллар) списанную американскую подлодку времен первой мировой войны. Лодка никак не годилась для плавания к Северному полюсу: она имела максимальную глубину погружения 60 метров, скорость в подводном положении три узла и запас подводного хода 125 миль.

Судно было полностью переоборудовано, и названо «Наутилус». Плавание не удалось – какой-то негодяй тайком снял с лодки рули глубины.

Несмотря на это, Уилкинс решил пройти на север как можно дальше и довести до конца научную программу экспедиции. Субмарина в надводном положении удалось достичь крайней северной точки $81^{\circ} 59'$ с. ш. В научном плане экспедиция очень успешна: впервые проведена подледная фото- и киносъемка, получены первые образцы грунта морского дна, очерчены контуры подводного хребта к северу от Шпицбергена.

О Жюле Верне как своем «вожде» говорил Уильям Биб (1877–1962). Он создал аппарат для погружений на большие глубины батисферу (от греческих слов батис – глубоко, и сфера – шар). Шар массой в две с половиной тонны опускался под воду на стальном тросе, к которому крепились электрический и телефонный кабели.

Рекорд глубины, 932 метра, установленный 15 августа 1934 года Уильямом Бибом и Отисом Бартоном, продержался 15 лет. Только в 1949 Отис Бартон погрузился на 1375 метров.

Батисфера не могла самостоятельно двигаться; трос при погружении становился все тяжелее, мог оборваться. Батисферы позже заменили самостоятельно двигающимися батискафами. Но и то, что сделал, увидел и описал Уильям Биб, стало сенсацией.

Жан-Батист Огюст Этьенн Шарко (1867–1936) (сын известного врача-психиатра Жана Мартена Шарко, создателя «душа Шарко») в 1903 году возглавил французскую антарктическую экспедицию на трехмачтовой шхуне «Француз». За два года экспедиция исследовала и описала около 1000 километров береговой линии, привезла 75 ящиков описаний и экспонатов для парижского Музея естественной истории.

Во второй экспедиции в 1908–1910 годах Шарко открыл остров Шарко, около 630 км² в 80 км от Земли Александра I, который назвал в честь своего отца. Шарко открыл потрясающее животное – шестилучевую губку *Scolymastra joubini*,

самый долгоживущий организм в животном мире. Эта губка может жить до 10 тыс. лет!

В великий человек скончался в 1962 года. Гроб с его телом был накрыт швейцарским флагом, побывавшим на дне Марианской впадины в созданном им батискафе.

В 1918–1925 годах Шарко занимался исследованиями в европейских морях и прилегающих районах Атлантики, изучал восточное побережье Гренландии. Ученый утонул вместе со своим судном «Почему бы и нет?» у берегов Исландии. Из всего экипажа спасся лишь один матрос. Жан-Батист Шарко не раз упоминал, что книги Жюль Верна «сделали его тем, что он есть». Именем Шарко названы пролив и гора в архипелаге Кергелен.

Еще в детстве прочитал всего Жюля Верна Огюст Пиккар (1884–1962) – швейцарский естествоиспытатель, физик, изобретатель стратостата и батискафа. Он не раз погружался на созданном им в 1953 году батискафе «Триест».

23 января 1960 Огюст Пиккар и лейтенант военно-морских сил США Дон Уолш опустились на дно самой глубокой на Земле Марианской впадины на глубину 10 916 метров.

На дурацкий вопрос кого-то из журналисток, не было ли ему страшно, герой ответил: «Разве капитан Немо испугался бы?»

Очень ценил Жюля Верна открыватель Тибета и Центральной Азии, Свен Андерс Гедин (1865–1952). Этот человек в средствах никогда не нуждался, он совершал свои мно-

гочисленные путешествия за собственный счет. Гедин стал последним человеком, которого шведский король возвел во дворянство – в 1902 году. Герmanoфил и личный друг Адольфа Гитлера, он проник в Синыцзян в начале XX века, а в конце 1930-е то ли сам вел нацистские экспедиции в Тибет, то ли активно их консультировал.

Среди всего прочего, он обнаружил в Турфанской впадине рукописи на неизвестных в то время «тохарских» (точнее – псевдотохарских) языках и мумии европеоидов, прекрасно сохранившиеся в сверхсухом климате Турфана.

На книгах Жюль Верна воспитывался и легендарный исследователь вулканов, геолог и вулканолог, основатель Международного Института вулканологии на Сицилии, Гарун Тазиев (1914–1998). Его книги много раз издавались в России, я скажу о нем только то, что мало известно.

Отец Тазиева, Собир Тазиев, служил в русской армии врачом и погиб в самом начале Первой мировой войны. Гарун Тазиев его не помнил. Семья жила в Варшаве, и оказалась за границами советской России. В 1921 его мама уехала в Бельгию. Беженец без гражданства до 1936 года, Тазиев окончил университет в Льеже. Участвовал в движении сопротивления. Карьеру геолога начал на оловянных рудниках в Катанге, в Бельгийском Конго. В 1948 году наблюдал извержение вулкана Китуро, что определило его дальнейшие интересы, вулканология стала его занятием на всю оставшуюся жизнь.

Став к концу жизни крупным правительственным чинов-

ником, Тазиев в 1984–1986 годах занимал пост государственного секретаря при премьер-министре Франции, ответственного за предупреждение главных технологических и природных опасностей. В 1988–1995 – он Президент Высшего Комитета вулканических опасностей. В 1990-е годы пожилой Тазиев активно выступал против «экологической паранойи» – в том числе многократно рассказывал, почему не надо искать спасения от не опасных никому «озоновых дыр».

Огюст Пикар в созданной им гондоле батискафа. Фото сделано неизвестным в августе 1932 года.

Он разьяснял: «Все дело в том, что крупные химические

компании хотели бы сохранить свою монополию на рынке. После того как хлорфторуглероды на протяжении полувека были защищены патентами, в ближайшем будущем они должны были стать собственностью государств. Дабы ни с кем не делиться этим пирогом, и решили добиться их запрещения! Ведь это потребует создания каких-то газов-заменителей со сложной технологией производства, а значит, сохранит возможность их выпуска только за крупными компаниями, которые обладают необходимыми технологическими ноу-хау...».

Жюлем Верном зачитывался Фрицьоф Нансен.

В числе читателей великого писателя был и Юрий Гагарин.

Учитель учителей

Творчество Жюль Верна оказало большое влияние на литературный процесс и вообще на весь читающий мир. В числе писателей, которые признавали влияние Жюль Верна, такие разные люди, как Марсель Эме, Ролан Барт, Рене Баржавель, Мишель Бютор, Блез Сандрар, Поль Клодель, Жан Кокто, Реймон Руссель, Франсуа Мориак, Антуан де Сент-Экзюпери, Жан-Поль Сартр.

Это французы? Но американец Рэй Брэдбери (1920–2012) сказал, что «все мы, так или иначе, дети Жюль Верна».

Немец Вольфганг Хольбайн (родился в 1953) написал

продолжение истории о «Наутилусе», создав серию книг «Дети капитана Немо».

Таким был будущий фантаст Рэй Брэдбери в 1938 году, выпускником школы. В этом возрасте он и зачитывался Жюлем Верном.

Жюль Верн считается идейным вдохновителем американо-английского жанра стимпанк с его восхвалением научно-прогресса и изобретательства XIX века, превратившегося в целую субкультуру. В жанре стимпанк пишут и на русском языке¹⁶.

Толстой читал книги Жюля Верна детям. Тургенев, Брюсов, Чехов, Куприн и Горький отзывались о них с восхищением. А из названных лиц только Тургенев и Толстой читали Жюля Верна на языке подлинника.

Была, правда, и одна не очень хорошая сторона невероятной популярности Жюля Верна в России: произведения Жюля Верна ложились на утопическое мышление русской интеллигенции. «Пять недель на воздушном шаре» вышли почти одновременно с бредом Чернышевского под названием «Что делать?». Молодежь зачитывалась Чернышевским. Картины утопического будущего из снов Веры Павловны причудливо смешивались с фантазиями Жюля Верна. А чем капитан Немо не французский Рахметов?! Немо даже интереснее и ярче нелепого ходульного «борца за светлое будущее».

¹⁶ Джойнс Р.Ф. Уровень шума // Американская фантастика. – М.: Радуга, 1988.

М. Е. Салтыков-Щедрин мало о ком и о чем отозвался с похвалой. К этим редчайшим исключениям принадлежали и книги Жюль Верна. В некрасовский «Современник» он дал положительную рецензию на «Пять недель на воздушном шаре».

Обсуждая планы издательства «Всемирная литература», А. М. Горький называл Жюль Верна классиком и настаивал на том, чтобы его произведения издавались так, как издаются классиков: без переделок, переработок и сокращений. То, в чем отказывала Жюлю Верну Французская Академия, он легко получил в Советской России. Жаль, не дожил.

Почему он жив до сих пор: Жюль Верн, воспевший героев

Впрочем, даже отзывы великих литераторов и ученых не объясняют массовой популярности Жюль Верна. Шедевр – это одно, бестселлер – совсем другое. Жюль Верн писал книги, некоторые из которых стали и шедеврами, и бестселлерами одновременно. Да еще такими живучими бестселлерами – их читают второе столетие. Почему же?

«Рассказы о науке» Жюль Верна чудовищно устарели. Научные предвидения давно воплощены в реальность. Если Жюль Верна читают сегодня – должны быть другие объяснения. Видимо, он может сказать читателю нечто такое, что не «прокисло» с годами.

Число читателей – не всегда и не обязательно свидетельство таланта писателя. Будь это так – следовало бы признать гением Фаддея Булгарина и мелким писателишкой – Пушкина. Ведь собрание сочинений Пушкина, выпущенное в 1836 году, тиражом в 3 тысячи экземпляров, было распродано всего на треть. Журнал «Современник» имел 600 подписчиков. Тогда как «Иван Выжигин» Фаддея Булгарина продавался тиражом в 105 тысяч экземпляров.

Но вот ПОСМЕРТНАЯ известность – уже показатель таланта. Чем больше проходило времени, тем больше людей читали Пушкина. Нераспроданные при жизни тома его «Сочинений» полностью разошлись со склада издателя в 1860-е. Сегодня Пушкина знают все, а вот кто такой Фаддей Булгарин, даже образованному человеку предстоит еще вспомнить.

Жюлю Верну предсказывали долгую посмертную жизнь. Она состоялась – писателя не забывают, и вряд ли когда-нибудь забудут. Человек давно побывал и на Северном, и на Южном полюсах. А капитана Гаттераса читают. Вокруг света можно проехать – а вернее пролететь на самолете меньше чем за сутки. Вылететь на восток 30 декабря, а вернуться назад 29-го. Но как забыть Филеаса Фогга и его камердинера Паспарту? «Наутилус» давно не кажется чудом техники, а капитан Немо в народном сознании живехонек.

ЖЮЛЬ ВЕРНЪ

ДѢТИ
КАПИТАНА
ГРАНТА

ИЗДАНИЕ

Т-ва М.О.Вольфа

Издание «Детей капитана Гранта» на русском языке, 1912 года.

На 37 градусе южной широты нет ничего даже отдаленно похожего на виденное героями «Детей капитана Гранта». А Паганеля вовсе не забыли. А песенка Роберта Гранта из кинофильма исполняется и исполняется.

Объяснение вижу одно: людям и по сей день нужно такое отношение к жизни, которое он пропагандировал. То героическое отношение к жизни, которое было характерно для Европы Нового времени. Эпоха эта началась в 1648 году, когда закончились религиозные войны католиков и протестантов. Завершилась она после Первой мировой войны, а в СССР задержалась... Впрочем, «космическая гонка» в США тоже породила многое, что очень напоминает эпоху Великой Экспансии Европы в XVII–XIX веках. Новое время провозгласило, что наука может познать мир и создать основу для научно-технического прогресса.

Что научно-технический прогресс решит все или почти все проблемы человечества, создаст счастливую, разумную и богатую жизнь.

Новое время подняло на щит ученых, инженеров и героев. Оно утверждало, что свершение Дела достойно любых усилий, важнее любых лишений и страданий, ценнее даже самой жизни человека. Идти вперед виделось самым достойным, что только может сделать человек. Внимание – героям. Рав-

нение – на героев. Иллюстрации и к Жюль Верну, и к Конан-Дойлю, и к множеству других книг того времени изображают героя, за которым идет, или которого приветствует ликующая толпа. Герой эпохи Нового времени – такой же, как читатель, только лучше.

Таких людей и создавала фантазия Жюль Верна. Они такие же, как мы – но невольно смотришь на них снизу вверх. В чем то они все же нас превосходят!

Мир, созданный фантазией Жюль Верна, населяют здоровые люди. Они здоровы и физически – без запаса выносливости они не смогли бы совершать свои путешествия и приключения. Но главное – здоровы душевно. Здоровы нравственно. Они целеустремленные и собраны. Они не знают лицемерия и подлости. Они не жестоки и не мстительны.

Они затевают великие дела и верят в успех. Смелым и сильным удаются самые невероятные замыслы.

Они – хорошие друзья. Соратники всегда приходят на помощь друг другу. Дружба скрепляется общим трудом, суровыми испытаниями, смертельной опасностью. Сильные помогают слабым. Знания и талант служат общему делу.

Здание Музея Жюль Верна в Нанте. Автор фотографии – Olga Mach.

Мечта всегда осуществляется.

Спасение всегда приходит вовремя.

Справедливость всегда торжествует.

Злодеи всегда разоблачаются и несут наказание за свои преступления. Чаше всего они исправляются.

Все это – не реально? Отчего же... Так тоже бывает, хоть и не всегда. Мир Жюль Верна не искажен – скорее романтически приукрашен. Как и его герои, он немного лучше настоящего.

Мир Жюль Верна таков, каким его хотели бы видеть люди

отважные и благородные. Такой, каким его пытались и пытаются по мере сил сделать умные, сильные и гордые.

Эпоха постмодерна «отменила» естественную иерархию людей.

Кто сказал, что лорд Гленарван превосходит бандюгана Айртона?!

Кто позволил возносить на щит капитана Немо и Неда Ленда, если «средний человек» никогда не построит «Наутилуса»? Если этот «средний» хочет не плавать в глубины океанов, а хочет сидеть в пивнушке и травить анекдоты?! Для «героев» посмодерна и Айртон – слишком крупная личность. Литература XX века «вославила» убогоньких, скучно расчесывающих свои комплексы. Слабаков и ничтожеств, уровень притязаний которых сводится в жратве, пиву, выведению наружу каловых масс и половым отправлениям. Это, якобы, и есть «массовые люди», и нечего возвращать им комплексы, показывая героических личностей. А то у бедняжек комплекс неполноценности прорежется.

Типичный пример: недавно модный московский «писатель» накропал романчик с характерным подзаголовком: «Повесть о ненастоящем человеке». Я не буду его называть, чтобы не поганить имя Жюль Верна, поставив рядом с его именем имя пропагандиста нравственного и культурного убожества.

Но оказывается, культ героя жив! Люди могут иронизировать по поводу технических характеристик «Наутилуса», но

ценят и любят тех, кто способен на нем плавать. Им нужно героическое отношение к жизни. Они не хотят жить в мире убогоньких, а хотят жить в мире героев.

Не хотят жить в мире комплексующих, хотят жить в мире думающих и трудящихся. В коротком рассказе Алексея Толстого подросток, живущий в 1920-е годы в Ленинграде, слушает радиопередачу «История открытия Северного полюса». В передаче «ученый голос начал говорить: «Уже давно пытливый человеческий ум стремился разгадать тайну Северного полюса. Жюль Верн в своем замечательном романе «Капитан Гаттерас» изобразил одну из таких отважных попыток...»¹⁷.

Подросток слышит вой голодных белых медведей в вое злого дворового кота Хама, а мужество сразиться с хулиганом Васькой Табуреткиным черпает из подвигов капитана Гаттераса. И не он один! «За капитаном Гаттерасом гуськом шли голодные медведи... В доме все радиолюбители сидели за радиоприемниками и ловили волны то из Берлина, то из Стокгольма, то из Лондона, то из Москвы».

Если мы хотим растить подростков, которые в 10 лет сразятся с хулиганами, а взрослыми захотят полететь в космос или погрузиться в глубины океана, очень полезен Жюль Верн. Повзрослевшие мальчики найдут массу неувязок в текстах Мэтра – но это ведь ничего не изменит.

¹⁷ Балабуха А.Д. Проект «Жемчужина» // Балабуха А.Д. Нептунова арфа. – СПб: Изд-во писателей Санкт-Петербурга, 2013.

Время сказало свое слово – Жюль Верн был великим писателем при жизни, стал явлением культуры после смерти. И не вынешь его имя из истории.

Очень любопытная деталь: во Франции больше всего ценят в основном, как автора суховатой по стилю, устаревшей по техническому содержанию фантастики – наподобии «Полета с Земли на Луну», «Путешествия к центру Земли», «Гектора Сервадака» и «Михаила Строгова». Ему отводится место в истории: «тогда думали так».

В России – и в Царское время и в советское, лучшими из его романов считались романтические, с дальними путешествиями, невероятными приключениями и недвусмысленной пропагандой активно действующего добра.

Франция до их пор считает Жюля Верна неким подобием кузена Бенедикта или Жака Паганеля. Такой не ведающий реальной жизни романтический чудак. Вроде и не бульварный беллетрист... слишком серьезен, порой назидателен, популяризирует науку. Но и не классик... Не романист, писавший «серьезные произведения», как Бальзак и Золя. Не идеологичен, как Гюго.

Превзошедшая даже сумасшедший прижизненный успех популярность Жюля Верна в СССР показывает – в этой советской цивилизации жили те же идеалы, что вдохновляли писателя. Вера в разум и в справедливость. Вера в техниче-

ский и нравственный прогресс.

Веру в ум и волю человека.

Кстати, и Джек Лондон, и Стивенсон в России ценятся куда больше, чем у себя на родине. Видимо, создаваемый их фантазией мир созвучнее психологии россиянина, чем англичанина или американца.

А какие великолепные экранизации Жюль Верна созданы в России!

От «Детей капитана Гранта» 1936 года до эпопеи Говорухина 1986.

Певец могущества человека

Жюль Верн очень хорошо осознавал, что живет в героическую эпоху. В годы его детства «путешествовали мало, либо не путешествовали совсем. Это было время фонарей-рефлекторов, штрипок, Национальной гвардии и дымящего огнива¹⁷. Да! Это все появилось при мне: фосфорные спички, пристегивающиеся воротнички, манжеты¹⁸, почтовая бумага, почтовые марки, брюки с широкими штанинами, пальто, складывающийся цилиндр, ботинки, метрическая система¹⁹, пароходики на Луаре (их называли «невзрывающимися», потому что они взлетали в воздух немного реже, чем остальные), омнибусы, железная дорога, трамваи, газ, электричество, телеграф, телефон, фонограф! Я принадлежу к поколению, ограниченному двумя гениями – Стефенсоном

и Эдисоном²⁰! А теперь я живу во время удивительных открытий, совершаемых прежде всего в Америке с ее кочующими гостиницами, машинами для выпечки тартинок, движущимися тротуарами, газетами из слоеного теста, пропитанного шоколадными чернилами, – их сначала читают, а потом едят!»²¹

На глазах всех современников Жюль Верна наука и техника меняли привычную картину бытия.

Но не все видели за отдельными открытиями и изобретениями не просто пар, электричество, летательные аппараты, подводные лодки и трансконтинентальные экспрессы, но могучий облик самой науки, новой силы, стремительно изменяющей мир. Жюль Верн не только разглядел это, но и сделал науку главным героем своего творчества.

Сам Жюль Верн никогда не отделял своих научно-фантастических романов от романов приключенческих. Он вообще не пользовался термином «фантастический роман». Жанр, им открытый и разработанный, он определял как «научный роман» или «роман о науке». И это, безусловно, верно: фантастические и приключенческие произведения органически сочетались в едином цикле «Необыкновенных Путешествий».

Жюль Верн открыл в искусстве воистину новый мир всепобеждающей науки и техники. Мир ученых, исследователей и инженеров, мир созидательного творческого труда. Успех лучших романов Жюль Верна – это успех нового типа героев, введенных им в литературу. Герой Жюль Верна – это всегда искатель, кем бы он ни был: инженером, как Робур или Сайрес Смит, путешественником и исследователем, как капитан Гаттерас, доктор Фергюссон или профессор Лиденброк, ученым, как Зефирен Ксирдаль, Пальмирен Розет или Жак Паганель... Герой Жюль Верна – это благородный патриот, как лорд Гленарван и Матиас Шандор.

Кроме описания Земли, ее морей и континентов, все романы Жюль Верна воспевают беспредельные возможности человеческого разума. Первым из писателей Жюль Верн увидел в науке не только инструмент познания мира, но и инструмент его изменения.

Не сразу пришло понимание того, что сама по себе наука – это только инструмент. Ее применение прямо зависит от того, в чьих руках она окажется. В наше то время одна из центральных тем научной фантастики – тема ответственности ученого за свое изобретение, его судьбу и использование.

Жюль Верн первым вошел и в эту дверь. Капитан Немо превращает «Наутилус» в свою гробницу не только потому, что чудесный подводный корабль не может покинуть пещеры

под островом Линкольна. Он боится отдавать великолепное изобретение невесть в чьи руки.

И Робур Завоеватель заявляет: «Граждане Соединенных Штатов, мои опыты завершены, но отныне я полагаю, что ничего не следует делать раньше времени. Это относится и к прогрессу: успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов... Явись я сегодня, я пришел бы слишком рано, и мне не удалось бы примирить противоречивые и своекорыстные интересы людей... Поэтому я покидаю вас. Секрет своего изобретения я уношу с собой, но он не погибнет для человечества. Он будет принадлежать ему в тот день, когда люди станут достаточно образованными, чтобы извлечь пользу из моего открытия, и достаточно благоразумными, чтобы никогда не употреблять его во вред».

Скорее романтик, чем консерватор, Жюль Верн создал больше утопий, чем антиутопий. Вольный город Франсвилль, колония на острове Линкольна, колония землян на Галлии, республика Либерия на Огненной Земле – явные утопии.

Но есть у него и Штальштадт. Есть и Кау-Джер, вынужденный отступить от своих анархических принципов.

И все же он верил в прогресс! Верил, что народы колоний и полуколоний построят общества не менее совершенные, чем европейские. Верил в разум. Он ушел из жизни в беспокойное время: грохотала Русско-японская война, Европа разделялась на международные блоки, ощерившиеся

оружием. А он, полуослепший, измученный диабетом, говорил журналистам: «что бы нам ни угрожало сейчас, я верю в созидательные силы разума. Я верю, что народы когда-нибудь договорятся между собою и помешают безумцам использовать величайшие завоевания науки во вред человечеству...».

Нам бы его оптимизм.

Почему это интересно, или: Никакой политкорректности

Есть и еще причины, по которым Жюль Верна хотят читать. Одна из них – тексты Жюль Верна абсолютно лишены бреда, именуемого в наши дни то «толерантностью», то «политической корректностью».

Жюль Верн постоянно «вступается» за народы колоний. Ему антипатичны расовые предрассудки. Но и иллюзий у него никаких нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.